

**Владислав
БАХРЕВСКИЙ**

г. Москва

КАРЬЕР НА ОБЛАКЕ

повесть

Житель Облака

IIIла война, а когда было, — чтоб её не было! — и дал отец сыну имя Добрыня.

Добрыня пошёл по отцовским стопам — в лётчики. Минула служба как вздох.

День жил в отставке Добрыня, другой, а на третий купил гору. На той горе стояла родная деревня. Люди покинули родовое гнездо лет сорок назад. Что там теперь? Засохшие сады? Развалины домишек? Но имя деревни осталось — Облако.

Добрыня радовался и говорил друзьям:

— К себе поеду, на Облако. Я — житель Облака.

Неприятное открытие

На стареньком пикапчике, но с мотором могучим, как царь зверей, поехал Добрыня на свою гору. Путь предстоял далёкий, только лётчики и по земле летают.

Вот она — родина. Дорога сначала шла мимо брошенных садов миндаля, мимо посадок розы, тоже заброшенных. Розы без ухода одичали, но цвели сладко.

Добрыня остановил пикапчик. Набрал в котелок лепестков — чай заварить. А на душе стало горько: благословенная Богом земля, плодородная, тёплая — никому, выходит, не нужна.

Гора поднималась сразу за посадками. Это был скорее холм, чем гора, но Добрыня узнал родину. Она ему снилась.

Гора — зелёная, вершина поросла серебристым лохом. Кудри лоха были похожи на облака.

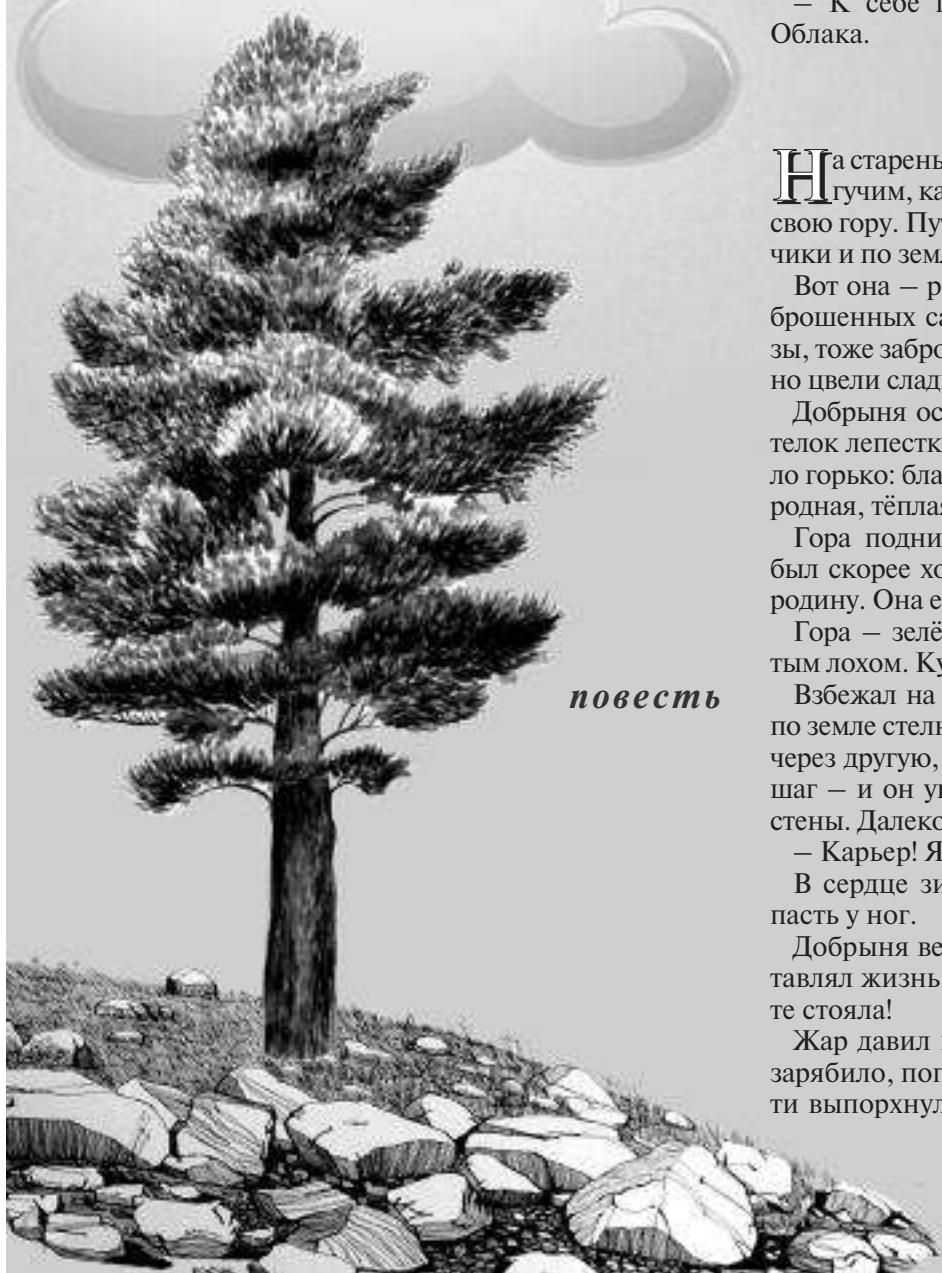
Взбежал на вершину — коряги лоха толстые, по земле стелются. Пролез через одну преграду, через другую, раздвинул ветки и обомлел. Ещё шаг — и он упал бы в пропасть. Голые рыжие стены. Далеко внизу — рыжее каменное дно.

— Карьер! Я купил карьер!

В сердце зияла пустота такая же, как пропасть у ног.

Добрыня весь долгий путь улыбался: представлял жизнь на Облаке. Деревня даже на ките стояла!

Жар давил на непокрытую голову. В глазах зарябило, попятился от края. И тут из пропасти выпорхнула изумительной красоты бабоч-

ка. Потоки горячего воздуха поднимали её выше, выше, но она воспротивилась и села Добрыне на руку.

Перестал дышать, но разглядел: бабочка тычет рыльцем, влагу ищет.

Захотелось пить. Держа перед собой руку — не напугать бы красавицу! — нырнул под изогнутый ствол лоха. В тени — благодать, но бабочка затрепетала крыльями, поднялась, улетела.

— Из криницы бы водицы! — сказал Добрыня вслух. В машине у него две канистры с водой, но хотелось ручеек услышать, хоть самый малый.

— Подари на счастье! — попросил Добрыня гору и увидел изумрудную полоску травы.

Полез напрямик, словно трава могла улететь, как бабочка. И вот оно, сбывшееся чудо! В траве — зеркальце. С тарелку, но полнѣхонько! Капли скатывались в едва приметную морщинку, скрытую травой.

— Спасибо! — Добрыня даже поклонился своей горе.

Чтобы напиться, пришлось лечь. Прильнул к зеркальцу губами: вода холодная, чистая, сладкая.

— Спасибо! Имя тебе, криница¹, — «На счастье».

Владения

Вода на Облаке была того же свойства, что и воздух над горой, — есть захотелось, и очень даже.

Подкрепиться Добрыня мог в машине, по-дорожному, но дорога-то кончилась. Пикапчик на открытом месте за каких-то полчасика раскалился. Не закрывая двери, Добрыня завёл машину в заросли лоха, в тень.

Достал котелок, две осиновые рогульки, вырубленные по дороге, металлическую штангу с цепочкой посредине и с крючком. Сухие коряжки лежали под ногами. Коряжки отнёс в ложбину под горой: показалась пригодной для кухни.

Разжѣг костѣр, воду в котѣл налил из канистры. Сварить решил казачий кулеш. Для кулеша у него была каурма — у туркмен перенял. Туркмены заливают сушёную баранину бараньим топлѣным жиром, и холодильника не надо — не пропадѣт.

Сыпанул в котѣл кружку пшена, соскрѣб молодую кожицу с пяти картошек, ухнул пол-литровую банку каурмы.

— Ради праздника!

Устроился на приглянувшемся стволе деревенного лоха и вдруг сообразил: до ближайшего татарского аула, где магазин и базар, — километров тридцать, чуть ближе хуторок с бахчѣй... Принѣс карту, подробнейшую, офицерскую: во все стороны — безлюдье. Даже на берегу моря — никого, ничего. Скорее всего, здесь размещался тайный полигон.

— Отшельник! — хотел усмехнуться, не вышло. — Ладно. Варись, кулеш, понаваристей. Гляну, что от горы осталось.

Спохватился: сам с собой говорит. В голове пошла мельтешня: дрова придѣтся на зиму заготовить, обрыв огородить. А жильѣ? А гараж или хотя бы навес?.. От всего отмахнулся.

Порадовался мягкой траве в своей рощице. На солнцепѣке сплошь колючка. Сошѣл к подножью Облака. Обмер.

Громада карьера дохнула на Добрыню тяжким жаром и пустотой. В вулкане, в лаве, говорят, есть жизнь. Здесь жизни не было.

Вот оно какое, одиночество. Почувствовал себя ничтожной малостью перед каменной стеной. Застывшая волна жизни! Миллиарды жизней, минувших тысячелетий, миллионелетий. Это же ракушечник. Дно моря, в котором нежились динозавры.

Повѣл взглядом от одного края карьера до другого.

Надули! Самым бесстыдным образом. И ничего никому не докажешь.

Сел на каменную подошву, прислонясь спиной к жѣлтой стене. Ни о чѣм не думал, ничего не желал. Душно. Жарко. Сдался, побрѣл кругом горы. Уцелела.

Примыкала к шапке горы с севера одинокая скала — столп. С Облако. Но, когда стоишь на краю карьера, вершина столпа выше и что венчает столп — не видно.

Скала похожа на идола. Шириною метра в три, и от основания до шапки словно бы выточена. Океан был каменотѣсом, кто же ещѣ? Ничего-то мы не знаем о самих себе, будто память отшибло.

¹ Криница — источник ключевой воды: родник, колодец и подобное.

Лава плескалась, горы пучились, бился о твердь океан. Были скифы, готы, тавры, были греки, Рим, гунны, и уж неведомых народов, может, и несчетно среди времён-то. А к тому же амазонки!

Побрёл на гору, в тень лоха.

Лёг. Усталость навалилась. Торопясь на Облако, Добрыня выехал с последнего привала часа в три ночи. И правильно сделал. Дорога была свободная, не жарко...

Потрогал траву — шёлковая. Заснул.

И приснился ему Орион. Созвездие. Ближе утро, звёзды чёткие, но не сияют. Блёклые звёзды снятся к недоброму. И — пожалуйста! Заиграла над ним звёздная спираль. Галактика. Звёзды в спирали огнём налитые... И сразу другой сон пошёл. Речка. Воды — по щиколотку. На жаре и малая вода в радость. Лёг — и будто в Мёртвое море: весь наружу. Шевельнул ладонями — поплыл. Сделал гребок — заскользил, заскользил. Стал грести веселее — и не хуже торпеды. Город с людьми, со всей его жизнью исчез из виду. Всё осталось позади, впереди — радостная, гладкая, без единой морщинки река и необъятное утреннее небо.

Проснулся, и первое, что увидел, — столп света. Огромный столп, но не с небес — на землю, а из-под земли — в небеса.

Не мог сообразить, что же это такое. И всё вспомнил: Облако, которого нет, — карьер... Свет, летевший в небо, шёл из карьера.

Продрался сквозь лох к провалу. Вот оно что!

Как дитя наивное, даже в небо глянул: солнца-то в небе нету! Оно здесь! Оно село в Облако!

Стоял, смотрел на изумительный жар. И скоро приметил: свет убывает, просачивается в поры ракушечника.

Сказал себе:

— Вот где солнышко спит.

Вернулся к стоянке своей поспешно, словно тьма карьера была ему враждебной. Костра разжигать не стал. Уж очень одиноким будет огонь. Поел кулешу, помыл тарелку и ложку.

Принёс спальник из машины — подарок полярников — на пуху каких-то американских птиц. В мешок не полез — чай, не на льдине. Лёг поверх. И вспомнил: предстояла ночь, жданная с отрочества. Уж так хотелось побыть со звёздами. Всегда ведь недосуг. Глянул, поахал и — до-

мой, к делам... Оборвал поток обыденщины, лезшей в голову. Ты — и звёзды. Будь же им своим, если получится.

Над Облаком стояла Вега. Вот он — Летний Треугольник: Денеб, Альтаир и голубая Вега.

...Северная корона. Арктур, Волопас. Мицар и Алькор — двойные звёзды в ручке Большого ковша — самый надёжный тест на зоркость, но и Стожары! В Стожарах надобно видеть шесть звёзд.

И опять поймал себя на обыденщине. Халдеям, взиравшим на звёзды, судьба открывалась. Царей и царств. На века вперёд. Его знание неба — это в двадцать первом-то веке! — десяток созвездий, два десятка звёзд.

Лежал, смотрел... Ничего не открывалось. Улыбнулся.

— Я вижу тебя, Вселенная. Я сам — Вселенная. И мой карьер. И моя жизнь.

Что-то ещё брезжило в нём, да никак не сыскивало слова.

Зевнул, улыбаясь. На земле, но всё-таки среди звёзд.

Великолепная находка

Совершенно незнакомая красавица обманивала его, не терпящего глупостей, китайским веером. Нахмурился, открыл глаза — ничего себе! На носу сидела бабочка. Должно быть, старая знакомая. Бабочка взмахивала изредка крыльями, но не улетала.

«Экие нежности!» — и не рассердился. Это ведь нежность горы, Облака.

Дотерпел, когда бабочка наконец улетела. Умылся. Поехал набрать роз и миндаля. На глаза попался заросший бурьяном виноградник.

Виноград одичал, ягоды в гроздьях мелкие, но как мёд. Расстелил брезент в кузове. Не углубляясь в междурядья, брал, что было на краю. Жадничать не стал. Проехал дальше, в сад миндаля. Наломал, нарубил засохших сучьев, коряжек, а на розы терпения не хватило. Жарко. Набил лепестками коробку из-под ботинок: в Орле, по дороге на Облако, сандалии купил.

— Домой! Домой! — засмеялся. — Дом под кустом... Заячья жизнь.

Разжёл огонь и, покуда его вчерашний кулеш разогревался, а в походном чайнике вскипала

вода, выгрузил добычу: виноград, дрова. Палатка у Добрыни была хорошая, четырёхместная, но уж такая оранжевая!.. На горе — как маяк.

Солнце съедало тени. Добрыня разделся до трусов. Подумал — надел шорты. Присмотрел место, где поставить палатку. Вот только в палатке душно будет.

Пора бы делами заняться... Но чем? Зачем? Школьником Добрыня любил писать планы. «Подъём. Зарядка. Завтрак. Чтение перед школой. Школа. Прогулка. Уроки. Чтение великих писателей. Прогулка. Чтение трудов великих учёных. Ужин. Прогулка и раздумья. Чтение священных книг. Сон».

Солнце поднималось в зенит, в такую жару быть бы крокодилом...

Серебристый лох на тень не жадничал. Добрыня бросил на траву подстилку, лёг.

Думать было о чём. Итак, у него была гора, но без Облака. И не гора, а пятая часть горы. Может быть, четвёртая. У него — карьер. Стена из камня и подошва — камень. Вода есть. Вода вкусная. Скорее всего, полезная. Есть два десятка деревьев лоха. Надо подсчитать сколько.

Что дальше... Ставить дом и жить? Ведь он приехал сюда — жить. Вернулся на родину. Облако должно воскреснуть, ради имени своего чудесного, ради предков, поселившихся на Облаке.

Добрыня подхватился, нашёл солдатскую панаму — подарок друзей перед дорогой. Чуть не бегом поспешил в карьер.

Каменная стена встретила его как чужого. Стена и есть стена. Он шёл вдоль этой пирамиды и вдруг пожалел свой огромный камень. И в ответ — тотчас, в ту же минуту, когда нежность и печаль сжали его сердце! — он увидел трещину в сплошняке. Трещина была скрыта каменной загогулиной. Кажется, неглубокая. И такая же сухая, как всякая пядь карьера, а потому безжизненная. Вот что самое отвратительное: он купил мёртвую землю.

— Как с этим быть? — спросил себя Добрыня и пошёл по ровной, будто стол, площади. Хоть маршируй.

Вот и край срытой до подошвы горы. Осмотрел карьер со вниманием. Стена-то стена, но ведь с тремя террасами. Две из них широкие: машины въезжали за камнем. Третья — узкая, её только начали, но оставили.

Добрыня пошёл дорогой вверх.

И — первая удача. Разработку бросили в советское время. Напилили камня, и камень не вывезли.

— Вот мне и дом.

Ничего не скажешь: последний подарок от бывшей страны. Но сколько работы!

Принялся за дело тотчас. Взял каменный брус.

— Ого! Килограммов на тридцать! — взъярил себя. — Али я не мужик?!

Примерился, прилачился и — с двумя под мышками пошёл с горы. Взмок, но вниз — терпимо. Один камень всё же опустил:

— Далеко тебе до мужика!

Другой камень тоже бросил.

Во-первых, нужно место выбрать, где лучше всего поставить дом. Во-вторых, подумать о фундаменте. И ахнул:

— Господи! Я превратился в неандертальца! На себе камни таскать!

Сел в машину, загнал на вторую террасу. И тут пришлось почесать в затылке. Таскать всё-таки придётся, камни нарезаны на третьей террасе. Туда только тропка...

Но если делать — сделается. Это от смотра толку мало. Десять камней сложил в пикапчик. Изнемог. Сел на дорогу, у колеса, свесил ноги в пропасть. Сначала дышал да отирал пот, заливавший глаза. Потом на простор смотрел.

И снова хозяин в нём восторженно:

— Без дерева дом не построишь.

Окидывая взглядом долину, заметил какие-то строения.

— Нужно разведать.

Брошенное строение было круглое и очень просторное. На фасаде сохранилась мозаика: русская красавица держит в руках весёлого поросёнка. В ногах у свинарки поросята со счастливыми пятачками.

Свинарники в знаменитых колхозах строили как дворцы. Мародёры кафель со стен ободрали, пошибали бронзовые краны, принялись разбирать полы, но почему-то увезли не более десятка досок.

Вернулся на гору Добрыня весьма нагруженным.

Председатель колхоза был не чета частнику. Лес для своего свинарника возил, должно быть, из Сибири. Вечная лиственница.

Сил уже не осталось, но Добрыня разгрузил пикапчик. Богатство, столь внушительное в кузове, на земле убыло, словно сморщилось. Шестнадцать толстенных досок. На горницу хватит ли?.. Но это ведь смотря какой дом...

Завалился в тени вздремнуть. Вздремнул. И — снова за баранку. Помчался к свиарнику, зная по спидометру, что в один конец двадцать два километра. Спешил опередить неведомых соперников, хотя в свиарник не наведывались, по крайней мере, года два-три.

Рапак

Утром Добрыня поехал прощаться с цивилизацией. Для себя решил: до будущей весны.

В придорожном магазине купил два пуда пшени, два пуда гречки, два мешка муки, мешок сахара. Утехи ради — полпуда баранок, три паляницы, три буханки чёрного хлеба, три килограмма пастилы, три железных пятикилограммовых банок халвы, дюжину бутылок подсолнечного масла. Залил на заправке бензином баки, четыре канистры. У вольного придорожного торгаша взял три связки лука и мешок овса неведомо зачем. Возвращался на Облако дальней дорогой. Ехал по землям, где лет двадцать властвовал, процветал винсовхоз «Лучезарное завтра». Мускат, шампанское, херес, мадера, глупости для дураков — «Чёрные глаза», «Чёрный доктор», удивительное каберне, коньяк, мягкий благоуханный — вот и миллионы. Большие миллионы! И умело, жестоко разоренная, убитая жизнь.

Добрыня выехал на площадь. Школьником он бывал здесь. Их привозили поглядеть на кремлёвские ели. На гранитную брусчатку, точно такую же, как на Красной площади.

Стеклянный павильон администрации, прообраз Кремлёвского дворца, стоял нетронутый, но стекла от пыльных бурь — настоящие бельма. Ели — часовые канувшей жизни — на своих местах. Голубой цвет порастеряли. Все до единой с обрезанными вершинками. На дворе — мир предпринимателей. Воровской капитализм, где что плохо лежит — на рынок, а плоше всего — страна лежит. Голубые кремлёвские ели изуродованы ради потехи — на одну ночь. Нынешний богач любит всё самое-самое. Капиталы ско-

рые, краплённые кровью. Нынешние господа живут так, будто завтра может и не наступить. Брусчатку пытались разворовать, однако покупателя на неё не сыскалось. Местный народ принялся было мостить дорожки к уборным, и всё пришлось бросить. Работы не стало. Жизни. Опустило гнездо человеческое.

Добрыня посмотрел-посмотрел, пошёл к машине.

— Милый человек!

Будто выстрел грянул. Метнулся глазами: старик. Соломенная шляпа — как соломенная крыша, на которой солому поменять надо было лет сто тому назад.

— Здравствуйте! — поклонился Добрыня.

— Нет ли у вас хлеба?

Добрыня достал из машины паляницу.

— Как из печи! — старик глаза прикрыл от удовольствия. — Спасибо, милый человек! Пошли ко мне, вином отдарю.

— Поберегите, пригодится.

— Если что у нас и есть — так это вино. За вашу отзывчивость угощу особо ординарным.

Добрыня удивился:

— Особое, стало быть, ни на что не похожее, а если ординарное, то как у всех.

— Так-то оно так! Да только ординарное выпестовал Захар Захарыч. Винодел. Фамилия у него такая, говорящая. — Старик рассказывал, и в глазах его, синих пуговицах, стояла синяя тоска.

— Особому вину подавай особую землю. Землю привезли нам нечаянно, на цветники. Мы ведь на скале живём. Ракушечник. Где-то чего-то строили, не пропадать же плодородному слою! Сгребли бульдозерами, наш директор не прозевал — перевёз землю.

Домик рассказчика — рабоче-крестьянский коттедж, потерявший вид. Во дворе буйство виноградной лозы, плодовых деревьев, гладиолусов, флоксов.

— Прёт, будто Чернобылем хватило! — пожаловался старик. — А может, и хватило. От нас до чёрной звезды — меньше тысячи. — Не пугайся, мне девятый десяток, и, как видишь, не кашляю, главное, в спине ломоты нет, ноги бегают, руки держат.

Старик усадил гостя под сень винограда и смокв. Ушёл. Вернулся с кувшином, с двумя кружками.

Снова ушёл. Принёс кастрюлю молодой картошки, сваренной в молоке.

— Козье. На корову силёнок нет. Хлеб, просто, поберегу. Давненько хлеба не отвеживал.

Добрыня ради пиршества слетал за буханкой чёрного. Спохватился: забыл консервов купить, а ведь на цивилизации крест поставил. Выпили.

— Не пойму! — удивился Добрыня. — Что-то очень знакомое.

Старик улыбался:

— Младенчество и природная чистота.

— Верно! Рекой припахивает. Когда река с пескрями! — Добрыня подержал вино во рту. — Младенчество, говоришь? А по мне, так поцелуй. Земляничкой девичьих губ отдаёт.

— Это я забыл! — улыбнулся старик. — Детство помню и, себе на удивление, младенчество. Ну, ладно. С ароматом разобрались, теперь поговорим о вкусе.

— Искуситель! Я за рулём.

— Да хоть залейся — пустыня. Дороги заросли. Посёлок наш в бурьяне утопает. Будущий курган. А на машине где ж тут разбиться? В брошенных виноградниках застрянешь! — головой покачал сокрушенно. — Какие были виноградники! Захар Захарыч от филлоксеры² наше чудо спас. Из Америки две почечки под ногтями привёз. Американцы свои виноградники как ракеты охраняют. Они филлоксеру победили лет сто тому назад... Почечки мы привили, виноградник спасли, а государство проморгали... Захар-то Захарыч Америку надурил, а Бжезинский да Киссинджер дурака нашего с отметиной на лбу за медальку купили. Лауреат! Лекциями побирался... Филлоксера теперь нашему винограду нипочём, да грозди некому срезать.

— Сколько же осталось жителей? — спросил Добрыня.

— Я здесь — Адам. Вот только без Евы.

— Вино пьём, хлеб едим, а не познакомились.

— Захар Захарыч, — назвал себя древний виноградарь.

— И винодел ваш Захар Захарыч.

— Вот именно.

Добрыня рассказал о себе, об Облаке, о будущем доме.

— Коли строишься, погляди на Отшибе. Собирались поставить ферму, на Отшибе коз пуховых развести. Директор у нас был выдум-

щик. Камень успели навозить... — глаза у Захара Захаровича просияли вдруг. — Переезжал бы ты к нам. Домишко можно найти вполне пригодный.

— Облако — моя родина. И моя собственность.

Получив бутылку вина в подарок, Добрыня пустился в путь.

На Отшибе — плоском пустыре — увидел сваленный ракушечник. Посмотрел — рапак. Особенно плотный, просоленный допотопным морем ракушечник. Нагрузил пикапчик, а разгрузить сил не осталось.

Распорядок дня

Добрыня лёг спать под открытым небом, но звёзды были тусклые. На краю земли полынуло, и тотчас хлынул дождь.

Кинулся Добрыня в палатку. Не зажигая фонаря, устроился как мог. Дождь сломом трубил. Подумалось: одному жить — и дождевому шуму будешь рад.

Утром земля пахла весной. Иссохшая трава пошла в рост. Добрыня, блаженствуя на Облаке, сварил на костре кофе. Подкрепился хлебом и сыром. Пошёл по своим владениям.

Карьер, просыхая на солнце, дышал морем. И всё-таки пустыня. Под ногами — пустыня... пустыня каменной стены. Построить город камня хватит. Раскрыв руки, обнял гору. Для кого-то и пустыня — родина. Сделал несколько шагов и — замер. У самых ног — всего-то с ладонь! — пятно нежной прозелени. Добрыня испугался: яды проступают? Место глухое, всякое может быть. Впрочем, запаха не чувствовал. Пригляделся. Сел на корточки, лёг.

— Жизнь...

Жизнь брала рыжий голый камень в свой оборот. То ли воспрянули из небытия лишайники, то ли дождь принёс споры какой-то водоросли.

— Малодушный человек! — осудил себя Добрыня. — Сразу о ядах, о смерти.

— Верь — и Бог не оставит.

— Скала, говоришь? На винзаводе на скале вырастили чудо-виноград.

— И у меня будет!

Поговорили. Добрыня смотрел на гору хо-

² Филлоксера виноградная — насекомое-вредитель.

зайским оком. От зимних ветров с севера — стена. От зноя — тень лоха. Вода родниковая.

— За дело, человек Облака!

На гору — бегом, разгрузил кузовок, застлал целлофановым дождевиком, и — к брошенной плантации миндаля. Лесополосы — уловители плодороднейшей земли, сметаемой чёрными бурями и ветрами.

Земля поклоны любит. Нагрузил пикапчик чернозёмом, привёз, свалил. Жалкое чёрное пятнышко.

— Потихоньку-помаленьку! — сказал себе Добрыня, но видел: «потихоньку-помаленьку» — трудов на десятки лет. Тоскливо стало. За всё хвататься — мало в чём успеешь. А ежели сначала одно, потом другое — жизни не хватит.

Пошёл варить кулеш. Покуда кулеш поспевал, составил распорядок дня.

1-е. Строительство дома. Утром — два часа, вечером — два часа.

2-е. Строительство земли. Утром после стройки дома — две машины. Вечером — три машины.

3-е. Сбор плодов для жизни, два часа перед обедом.

4-е. Заготовка топлива. Вечером — один час.

5-е. Заботы по хозяйству. Чтение в свободное время.

Теперь предстояло выбрать место для дома. Среди зарослей лоха углядел ровную площадку. Здесь когда-то уже стоял дом, и двор был. Главное, фундамент рыть не надо: скала — надёжное основание.

Добрыня пошёл к обрыву. Заглянул в пропасть.

— От греха надо стену поставить!

Вдохнул. Разговаривать вслух входит в привычку.

На самом краю обрыва — ящерицы. Да много! Заворожённо смотрели перед собой, в Белый свет. В карьере летали стрижи и ласточки.

— Птицам, что ли, завидуете? — спросил ящериц Добрыня.

Не отвечали, но сам он тоже засмотрелся на весёлую птичью кутерьму.

Со дна карьера — жар как из котла.

Пошёл кулеш есть. Казацкая еда пахла богородской травой и сладко — лохом.

Добрыня, отобедав, вымыл тарелку, ложку, лёг на шёлковой травке, голову положил на

ствол, стелющийся по земле. Серебристый лох растёт причудливо, дебри его — древнегреческие. Добрыня помнил: жители Облака называли серебристый лох дикой маслиной. Листья похожи на маслину. Цвет таинственный, благородный.

Вспомнил распорядок. Вечером — два часа камни класть. Привезти три машины земли, дрова... Заснул сладко. Знал, почему сладко спится, — лох отцвёл давно, а запахи на листья осели. Одним словом, Облако.

Что такое — быть

Жить по распорядку — жестокость к самому себе, но дом — оберег от зимы, от снега и дождей, от ветра и сырости, от жары. В доме всё для нынешнего дня, а сколько дней таких будет, знает Бог.

Дом Добрыня затеял строить большой. Облако — государство. Государю жить в шалаше возбранно. В длину Добрыня положил пятьдесят камней. Рапак — плотный, тяжёлый. Ряда не довёл — два часа иссякли. За землёй надо ехать, сел дух перевести. Почудилось — разговаривают. Четыре птицы на травке пасутся. Кафтаны на птицах шёлковые, золото с чёрным, на головах веера хохолков. Клювы длинные, но аккуратные, с лопаточками на конце.

— Удоды!

Вспугнуть дивных гостей невежливо. Приподнял Добрыня руку, глянул на командирские свои часы. Батюшки! Скоро вечер. Отполз в сторону, удоды своим делом заняты. Поехал к посадкам миндаля. Год будет урожайный, ветки облеплены орехами. Набросал в кузовок земли, сверху кинул сухие сучья. Вторую машину загрузил землёй с плантации розы. О чудесном винограде, растущем на удивительной земле винограда, помнил, но плодородный слой, скорее всего, нужнее сверху.

Пошёл посмотреть на зелёное пятнышко в карьере. А пятнышко — с аршин!

— Вижу-вижу, ты мне помогаешь! — сказал Добрыня карьере.

Машина как печь. Решил сделать десять ездов. Осилит пять. Поглядел на дело рук своих: глупейшее занятие. Кузовок земли даже не горстка — щепоть.

Дом надо строить. Лето — миг! Осень здесь, слава Богу, долгая, но в ноябре небо станет как решето. А зима, пусть даже бесснежная, — зима.

— Проворней поворачивайся, — сказал себе строго.

Сделал ещё две ездки. Поел кулешу. Заснул под кустом.

Проснулся от давящего зноя: ничего себе утро.

Умылся в роднике, посмотрел распорядок дня: вчера забыл заняться сбором плодов.

Поехал по угожьям. Набрал два больших пакета лепестков роз. За плантацией, заслоняя горизонт, — деревья.

— Поглядим.

Глядеть было на что. Вдоль забытой колхозной дороги с двух сторон — абрикосы.

— Вкусная аллея!

Урожай несметный. Под каждым деревом — золотой круг. Падалица. И всё уже пропадало. Какую страну убили!

У Добрыни подбородок дрожал. Шоссе с обеих сторон съедала ползучая трава. Была Волга, остался ручеёк асфальта. Нынешний мир дорогами жив.

— Эх, дорога, дорога! Строили — к счастью, да в никуда завела.

Набрал-таки Добрыня абрикосов. На дне карьера сушить решил. Будет курага. Сварил компот благоуханный, пахнущий детством на Облаке. Сделал две ездки за землёй, за дровами. Попалось поле одичавшей лаванды. Набрал охапку: сказкой пахнет!

Распорядок сам составил, сам сломал.

По вечерней прохладе в охотку выкладывал стены дома. В детстве с отцом слепили курятник. В стройотрядах три лета работал. Коровники строили. Поздно вечером вместо чтения долго смотрел на карьер. Сверху — почти чаша.

Чего дурака валять? Поехать в город, нанять бригаду. Но, во-первых, хлопнуть все деньги — неразумно. А это и во-вторых, и в-третьих.

Чтобы не маяться, отправил себя за землёй. Разгружая кузовок, додумал-таки несказанную вслух мысль: «Своими руками возроди убитую землю! Своим потом полей! Господь половину грехов простит».

В краю, где солнце жаркое, долгого дня не бывает. Готовить ужин сил не осталось. Выпил

компота, съел две сушки. Но в распорядок дня всё-таки глянул: второй день без чтения.

По дороге на развале книжку стихов купил. Пригодилась, открыл:

*Исполнен непонятого значенья
Кавказский горб за ватой облаков:
Здесь каждый выступ — словно восхождение
Из Мглы Времён и Хаоса Веков.*

*Здесь невесомы облака и мысли,
Здесь пропасти прохладны и темны.
И горы, что над бездною нависли,
Имеют форму вздоха и волны.*

Добрыня даже встал. На этой земле, где его Облако, земная твердь как раз растёкшаяся волна, а перед тем, как ей подняться, был вздох. Вздох Творца, успокоенного чудом мгновения, запечатлённого твердью земной.

Не потому ли земля дорога Богу, что в ней сохранены Его вздохи счастья. Вздохи Создателя Мира, Создателя Жизни, не ведающей конца, совершенной во всём, в каждом полёте маятника времени.

— Андреев, — прочитал Добрыня имя автора.

Неведомый Андреев — такое же чудо, как Облако, как золото абрикосов, как запах лоха...

— Чудом надо быть! — сказал себе житель Облака, рождённый Облаком.

Лёг, смотрел, как гаснет небо, как проступают звёзды. И ни о чём не думал. Смотрел.

Это — правда. Всё нам недосуг насмотреться на Землю, на небо.

Так было хорошо смотреть в детстве. Так просто было быть жизнью — в детстве.

Проснулся Добрыня счастливым.

Первый пруттик

Добрыня выкладывал третий ряд стены и вдруг сообразил: это сегодня камни класть удобно. А когда стена поднимется?.. Леса возводить? Хватит ли умения? А времени-то сколько потеряешь!..

Урок свой, однако, продолжил.

Отдыхал десять минут, сам себе и командовал:

— Пора! — поехал за рапаком, но сначала — к Захару Захарычу посоветоваться.

На тормоза нажал возле Дворца культуры. Остановило чудо.

Во всю стену — выющееся, сплошь в синих цветах — дерево. Вышел из машины. Цветы, радуясь, что на них смотрят, все свои чашечки раскрыли, словно собирались напоить синевой. В сердце постанывало неведомо что.

Как можно было всё это превратить в ненужное? Как можно было отказаться от такой жизни?

— На глицинию глядишь? — объявился Захар Захарыч. — Удивительное растение. У меня саженец есть. Возьмёшь?

— Во весь бы карьер такое!

— А что? Бог даст — разрастётся. Коли есть куда расти — разрастётся!

Добрыня привёз старику пятикилограммовую банку с халвой: совет подсластить.

— Сомнения, Захарыч, разбирают. Сам не знаю, для чего размахнулся. Вагончика бы хватило. Будки железнодорожной.

— Строителей найми.

— Без денег остаться страшно. Ведь один. Мало ли на что могут потребоваться.

— Потребуются. Ты явился жизнь возродить в убитом краю. Твой дом само Облако родит! — Захар Захарыч наклонился к Добрыне. — Я тебе вина дам.

— Работягам подавай водку.

— Во-первых, наш народ толк в винах знает, а для дураков имеется коньячный спирт.

— Прямо-таки сказка! — засмеялся Добрыня.

— Дом — родит гора, рабочие, попивая винцо, сделают дом пригодным для жизни...

— Место такое, — серьёзно сказал Захар Захарыч. — Здешние люди, мыкаясь по белу свету, думаю, уже сообразили: из тридевятого царства сами себя изгнали. А тебя к нам твоё детство вернуло.

— Мне на Облако пора. Я ведь рапак вожу, доски, землю. Даже землю приходится строить.

— Счастливый человек! Только вот что... Место наше бросовое, люди мы никем не посчитанные. Но явится вдруг чиновник и прикажет снести дом, ибо строение незаконное. Бумаги нужны, архитектурный план, заплаченные налоги.

— Ёлки-палки! — щёлкнул себя по лбу Добрыня. — Мне надо было не дом ставить — пещеру долбить.

— Чиновники, глядишь, и на пещеру потребуют архитектурный план. Им подавай пошлину.

Выкопали саженец глицинии. Добрыня загрузил кузовок местной землёй. Сказочной. Сказке на развод посадил глицинию в самом центре карьера. Прутик. Поклонился прутику.

— Расти, древо Облака!

Пришелел

Он знал, что улыбается. Спит и улыбается. Зацвёл серебристый лох. Воздух густой, сладкий, но дышится легко, потому что день счастливый. День рождения!

Открыть глаза — улыбка мамы, и на её руках белая как снег рубашка. А по вороту рубашки и на груди — васильки и травы, мамина вышивка.

Добрыня поднялся, глаз не открывая. Счастье осталось в детстве.

Лох зацвёл на вершине Облака. Уж очень, знать, сухо было. А теперь, после могучего ливня, деревья очнулись и одарили землю щедрой сладостью.

Когда цветёт серебристый лох, землю будто мёдом намазали.

Добрыня поехал привезти рапака, но завернул к Захару Захарычу узнать, какие бумаги надо иметь, чтоб дом не был самостроем. Захар Захарыч к советам приложил молодой картошки, свёколок, кочан ранней капусты.

От кулеша уже душу воротило. Старик открыл Добрыне секрет борща: капусту в котёл надо класть в последнюю очередь. Вода закипит — котёл с огня долой.

Добрыня, пристраивая над костром котелок с компотом, приметил гостя. Захожего человека, должно быть, сладкий запах лоха примаанил. Добрыня не очень-то разбирался в детях. Его аэродромы были дальние. За Полярным кругом, на островах ледовитых морей и Ледовитого океана. Скорее всего, захожему человеку годков не больше десяти.

Сидел у криницы, в тенёчке. Так сидел, будто не было ни Добрыни, ни его аппетитного костра.

Хозяин Облака терпел-терпел и обиделся. За свой борщ, за компот из абрикосов. Сказал, размышляя вслух:

— Через семь минут можно обедать.

Захожий человек отвернулся.

— Ложка есть? — спросил Добрыня.

Молчание.

— Ладно! У меня есть вторая, походная, в складном ноже. Чур! Руки мыть с мылом. Мыло в мыльнице.

— У меня своё! — подал голос захожий человек. Снял с плеча рюкзачок, достал мыльницу, зубную пасту, зубную щётку.

— Первый раз вижу, чтоб зубы чистили перед едой!

Ответа Добрыня не удостоился.

Захожий человек умылся, вычистил зубы. У него и полотенце было.

— Прошу! — пригласил хозяин Облака за скатерть-самобранку.

Самобранка представляла собой клеёнку. На клеёнке — хлеб, огурцы, соль в банке, две тарелки, пока ещё пустые, две чашки.

Ложка туриста с десертную, но захожий человек ел не торопясь. Хлеб от ломтя не откусывал, отламывал кусочками. Вот только синие жилки на висках пульсировали.

«Голодный как волк, но гордыня — королевская!» — Добрыня проникался уважением к бродяжке. Спросил:

— Знакомиться будем?

Гость положил на клеёнку ложку, подал руку:

— Женька!

— Добрыня.

— Никитич? — рука отрока была удивительно красивая, личико светлое, в глазах, изумительно серых, с пронзительно распахнутыми зрачками, — загадка, которую не разгадать.

— Алексеевич! Гора эта тоже не безымянная. Облако. Детство моё прошло на этой горе. Деревня так называлась — Облако. Приехал на родину. Жить.

— А я — Женька! — снова сказал гость.

— Местный?

— Нет. Мы — дальние.

— А сюда как?

Отрок пожал плечами:

— У моря голодно. Люди там все богатые. Богатые не подают... Я шёл, шёл... тут огороды.

Сторожей нет. Еда — ничья, — поднёс к губам кусочек хлеба. — Паляница вкусная, но я по черняшке скучаю.

— Хочешь сухарей?

— Хочу.

Хрумкал гость сухарём, радуясь, как потрескивает на зубах.

— У нас дома сухари всегда были. Для кваса.

— Обзаведёмся большой кастрюлей, можно будет и квас поставить. Мой квасок ударяет в носок.

— Я тоже могу квас заварить. Здесь винограда много. С изюмом квас получается шипучим.

Женька вспыхнул радостью и померк.

— Оставайся, — сказал Добрыня. — Если тебя не ищут.

— Меня не ищут.

Синие жилки снова запульсировали на прозрачных висках возле белесых корней коротко стриженных волос.

Чудо судьбы

Пригласить просто. Только жизнь уже не одинокая. В голове у бродяжки — своё, но сейчас важнее всего, нет ли чего на голове? Спросить о вшах Добрыня всё-таки не осмелился. И похвалил себя за терпение. Чтобы Женька привык к новой жизни, оставил его на горе одного.

— У меня друг есть. Поеду поищу матрац. Может, одеяло добуду. Простыни у меня есть. Заодно землю привезу. А ты оставайся.

— Можно я воды накипачу? — спросил Женька. — Голову помыть и вообще. Шампунь у меня свой.

— Ты — молодчина! — похвалил мальчика Добрыня.

— Я потому и жив, что у меня шампунь и зубная паста, — серьёзно сказал Женька.

Добрыня заглянул в палатку, достал из рюкзака большое махровое полотенце, кинул Женьке.

— Пользуйся!

Захара Захаровича новость порадовала.

— Вот и пошло возрождение Облака!

— Мальчик! Бродяжка! — Добрыня вдруг испугался. — Летом — нормально, а придёт осень? В школу надо идти.

— По России, говорят, детей-бродяг с миллион. Если не врут. Раньше признавались: четыре

миллиона! — Захар Захарыч сединами потряс. — Сволочи! Какие же сволочи! В СССР студентов было два миллиона, инженеров — миллионы. А теперь — миллионы бездомных, миллионы ребяташек, не умеющих читать.

— Кто умеет — тоже не читает. Отвадили народ от книги. Нынешним хозяевам жизни личности не надобны. Народ превратили в стадо, управляемое телевизором.

Захар Захарыч посмотрел в глаза Добрыни:

— Всё-то мы понимаем... А что дальше?

— Я собирался на Облаке жить сам по себе.

— Вот и подбирай пацанов. Бог увидит, что это хорошо, — пришлёт учителей. Россия — не звук. Россия — мать. Сама возьмётся своих детей растить. Змею вопреки.

Периной Захар Захарыч снабдил Добрыню. Да ещё какой! На лебедином пуху. В здешнем краю лиманы, острова — царство лебединое. И другой матрац Захар Захарыч подарил. Народный. Набитый камкой — травой морскойю. Три одеяла нашёл. Деревенское лоскутное — хоть на выставку, и два шерстяных.

— Наш пионерский лагерь был в области лучшим! — погордился Захар Захарыч. — Все-союзным, знаменитым на весь мир, уступал разве что числом. У нас ребята под парусами ходили. А какая была школа искусств! Это для крестьян-то!

Посмотрели в пол и друг на друга.

— Поехал, — сказал Добрыня.

— Ты вот что! — Захар Захарыч лицо состроил строгое. — Ты вот что. О школе уже думаешь... А начинать надо, я тебе это уже говорил, со своего жилья... Не перечь старику. Езжай в город без промедления. Оформляй документы, а я займусь домом... Захара Захарыча не все ещё забыли.

Судьба сама считает свои дни.

Две недели обивал Добрыня чиновничьи пороги. Платил пошлины, заказывал проекты, в очередях целыми днями сидел.

Вернулся, а на Облаке — терем. Половина терема под красной крышей из настоящей обожжённой черепицы. Половина плоская — татарская. Ни единого брошенного камня, коряжки лоха все целые.

И тут изумлённый Добрыня увидел наконец Женьку.

Женька стоял у костра. В руках у него был круглый хлеб, а сверху — солонка.

— Хлеб-соль, — сказал Женька.

— А где Захар Захарыч?

— Уехал. Вчера всё закончили.

Добрыня отломил кусочек от каравая, взял щепоть соли. Съел и хлеб, и соль.

— Собирайся, Женька! К Захару Захаровичу!

Женька даже обиделся:

— Ты сначала дом посмотри!

Дом

У Женьки уютно, что ли, был? Чистенький, отглаженный, распахнул двери перед Добрыней беззвучно. Будтодохнул — и обе створки открылись.

Полукруглая ослепительная белая комната.

— Мы в солнце вошли! — Добрыня был поражён.

— Прихожая, — объяснил Женька. — Прихожая нашего дома. Видишь, лестница?

— Лестница — в стену, в никуда!

— Так чудится. Она ведёт в комнаты второго этажа.

Женька открыл следующую дверь. Строгий квадрат. Три глухих стены, четвёртая стена — окно.

— Библиотека, — сказал Женька. — Полки сделаем до потолка. Здесь свет хороший.

Ввёл в третью комнату. Окно справа, окно слева.

— Здесь будет музей, — твёрдо сказал Женька.

— Музей Облака! Придумано замечательно, только показывать нечего.

— Экспонатов наберём! — Голос Женькин был хозяйский.

Из музея попали в овальную залу.

— Уютно. Что здесь? — спросил Добрыня. — Столовая?

— Угадал!.. Стол посередине. Моё место здесь! — показал Женька. — Я в окно люблю смотреть. Чтоб поменьше пропускать интересного.

— Всё? Наверху спальни?

— Всё! — захохотал Женька, раздвигая не замеченные Добрыней двери.

Просторная пустыня.

— Можно танцевать, можно спортом заниматься.

Лестница вела наверх.

Поднялись.

— Твой кабинет, — показывал Женька. — Твоя спальня. А это — моя комната.

Таких комнат Добрыня насчитал двенадцать. В коридоре три ступени на мансарду.

— Заведём телескоп, будем на звёзды смотреть, — улыбался Женька.

На плоскую крышу выводила мощная железная дверь.

Женька смотрел на Добрыню вопросительно.

— Молодец — Захар Захарыч?

— Молодец!

Женька ждал похвалы и просиял как солнышко.

Спустились на первый этаж.

— Стоп! — ахнул Добрыня. — А кухня? Нужна печь с котлом. Столько комнат!

Женька схватился за голову и, потаскав её за чуб, захохотал:

— Попался!

Ликуя, показал дверь, ведущую в подполье. Оконца под потолком. Печь, котёл, комната-кладовая и две комнатки наподобие карманов. Чуланы.

— Да-а-а! — сказал Добрыня.

— Королевство! — у Женьки глаза сияли.

Вышли на Божий Свет.

— Королевство, говоришь? На то оно и Облако, чтоб королевством быть... Только где король, где королева? Мы-то с тобой работники.

Женька задумался. Посмотрел на Добрыню серьёзно.

— В сказках Иван — крестьянский сын, а королева и подавно — лягушка. А потом они царствуют, — Женька подумал и прибавил: — Любя.

Женькина звезда

Дом у них был, но ведь пока что нежилой, а вот гора обжитая. Спали на земле, под небом, — но у себя.

— А ты из каких краёв? — спросил перед сном Добрыня Женьку: своим стал. Звёзды тоже свои, но все — одинокие.

— Я — оренбургский, — откликнулся, помолчав, мальчик. — Схожая земля. Степь, синие горы. Моря, конечно, нет, зато речка Сакмара. Лягушки у нас громче соловьёв поют.

— А сюда... к теплу?

— Просто ехал, — признался Женька. — А здесь — тупик. Край земли. Море.

— Я тоже никуда больше не собираюсь, — сказал Добрыня. — Здесь родился, здесь и пригжусь Облаку.

— А я пригжусь тебе, — серьёзно сказал Женька.

Ветерком потянуло. Тёплым.

— Розами пахнет, — обрадовался мальчик совсем по-девичьи.

— С детства люблю наши ветра. Летом они тёплые.

— И у нас на Сакмаре летом ветер тёплый, бывает даже горячий.

— О семье-то тебя можно спросить? — вопрос для Добрыни был важный, и он задал его с опаскою.

— Наш колхоз-миллионер прикрыли. Землю поделили на паи. Паи продали. Сами не знают кому. А мой папа не продал. Наш дом сожгли. Мы с мамой в коровнике жили, а мой папа, как Пугачёв. Пошёл войной на всех начальников. Они тоже землю скупили. Одного главного убил. Теперь в «Чёрном дельфине» сидит. Пожизненно. Мама тоже хотела воевать с врагами народа, но от горя умерла. Я из интерната убежал. Начальница меня ненавидела.

Звёзды горели всё ярче. Веки сами собой смыкались, защищая глаза от звёздного света. Добрыня проснулся. И сразу понял: Женьки рядом нет.

Темень, но где земля, где небо — звёзды подсказывают. Испугался за мальчишку не на шутку.

В обход, старясь не шуметь, пошёл к обрыву. И обмер. Женька сидел на самой крутизне, свесив ноги в каменную пропасть.

Позвать — испугаешь. Отступить — нашумишь. Наземь опустился.

Господи! Мальчишка испытывает себя, а если это лунатизм?

Таиться пришлось долго.

Женька поднялся. Пошёл к лагерю. Добрыне пришлось переждать. Вернулся со стороны зарослей тамариска, куда до ветру ходили.

Женька делал вид, что смотрит сладкие сны: губами, хитрец, причмокивал. А может, и вправду спал.

Объять весь мир

Добрыня лёг, смотрел на звёзды: бессмысленное множество. Для человека — бессмысленное. Человек рождён, чтоб всё познать, а как быть с этими светлыми точками, скорее даже — с пылью. Всякая пылинка — солнце. И у всего в этом изумительном мире — своя судьба. У молекулы, у солнца, у только что сгоревшего метеорита. Желание надо было загадать. Добрыня закрыл глаза.

— Смотри! — крикнул, как птица, Женька.

Добрыня очнулся.

— Это моя! Я вызвал.

Добрыня успел увидеть над собой звезду. В этой части неба такой никогда не видел. Светила звезда покойно и вечно. Вдруг стала расти, в недрах её заиграли звёздные переливы, красного, зелёного, синего... И пусто. Пусто в небе.

— Зачем?! — жалобно вскрикнул Женька. — Добрыня, это правда. Это я её вызвал. Сказал: появись! Она и появилась... Честное слово!

Смотрели в небо молча.

Когда Женька проснулся поутру, Добрыня выгружал из пикапа ракушечник.

— Надо огородить карьер стеной. Пусть по колёно, но чтоб нечаянно не шагнуть.

— Ах, если бы крылья выросли!.. — Женька смотрел жалобно. — А ведь я просил. Не растут. Захотел звезду — зажглась. Ты думаешь, это НЛО?

— Не знаю.

— Я говорил совсем просто: появись! Ты же видел?

— Видел.

— Я сварю кофе со сгущёнкой и кашу — пять зёрен. — Женька скинул рубашку. — Посмотри на мои лопатки. Может, аллергия? Чешутся.

Добрыня посмотрел.

— Всё чисто.

Женька вздохнул.

— Я одним только альбатросам завидую. Альбатросы над океанами летают.

— Готовь завтрак. За землёй съезжу.

Каша у Женьки получилась вкусная. И кофе вкусный.

— Я такой кофе в детстве любил, — сказал Добрыня. — Корова своя была. А вот сгущённое молоко покупали редко.

— Вы были колхозники?

— Колхозники... Когда провели канал на безводные земли, наши переселились в степь. Председатель колхоза по путёвке попал в Дом творчества художников. Попробовал рисовать, и его картину похвалили. С той поры все наши рисовали, вышивали. У нас картинная галерея была. Две девочки и один мальчик в Москве учились. Мальчик, слышал я, в Париже теперь живёт. Одна из девочек стала профессором.

— Я тоже рисовать умею! — обрадовался Женька. — А чего же ты не поехал к своим художникам?

— Того колхоза тоже нет. Всё разорено. Всё уничтожено. Без войны. Одной ненавистью. Председатель наш заболел. Вылечить его не смогли. А тот, кто его место занял, все богатства колхоза присвоил, всё продал и за море подался. То ли в Бразилии теперь, то ли в Аргентине.

— Крысы, — сказал Женька, глядя куда-то очень далеко.

— Крысы, — согласился Добрыня. — Только наше Облако поплавает ещё под солнцем и луной.

Женька поставил кружку с кофе на клеёнку, посмотрел Добрыне в глаза.

— Знаешь, что я сказал на самом деле, когда звезда загорелась?

Добрыня тоже кружку свою поставил. Глаза у Женьки были серые, но красоты удивительной!

— Я сказал: люблю.

— Кого? — невольно спросил Добрыня.

— Просто: люблю! — Женька поднял руки, показывая. — Я картину такую видел — «Объять весь мир». Там, правда, девочка. Руки раскинула — весь белый свет обняла.

Женька прикрыл глаза длинными ресницами.

— А знаешь, что я сделаю, когда вырасту? Я рожу целую семью.

— Заведу, — поправил Добрыня.

Женька сердито сдвинул брови и улыбнулся. А потом согласился:

— Заведу.

Стихи

Жили-поживали. Женька себя в повара определил. К завтраку напёк блинчиков. Тонких, с одной стороны хрустящих. Сметаны не было, но с кофе тоже вкусно.

Подкрепились — за дела. Добрыня тянул от ручья к карьеру водовод: поливать будущий сад. Трубы и шланги в брошенных домах добыл.

Женька посуду вымыл, все крошки — в пакет и понёс подальше от горы, чтоб мух не развести.

Добрыня видел: воробы за Женькой стаяей летят. Пшеном, что ли, угощает?

Вернувшись на гору, Женька сказал Добрыне:

— Ты не думай, пшено не трачу зря. Я его разобрал. Пшено сорное, в нём проса много... Поехали за розами. Я умею варенье варить. Из лепестков роз — полезное.

— Поехали! — согласился Добрыня. — Но вот что, дружок: работы у нас много, а сентябрь всё-таки не за горами. Я у Захара Захарыча книжек набрал.

— Неделю читаю — неделю отдых! — быстро сказал Женька. — Ты не думай, у меня память, как у разведчика. Стихи с одного раза схватываю.

Добрыня даже покраснел. Сам он помнил одно пушкинское «Лукоморье». Спросил Женьку:

— А в голове-то что-нибудь остаётся?

— Остаётся! Самое хорошее остаётся.

И прочитал:

*В чёрном небе волчья проседь,
И пошёл буран в бега.*

*Будто кто с размаху косит
И в стога гребёт снега.*

*На косых путях мороза
Ни огня, ни дыму нет,
Только там, где шла берёза,
Остывает тонкий след.*

*Шла берёза льда напиться,
Гнула белое плечо,
У тебя ж огонь ещё:
В тёмном золоте светлица,
Синий свет в сеньях толпится,
Дышат шубы горячо.*

*Отвори пошире двери,
Синий свет впусти к себе,
Чтобы он павлиньи перья
Расстелил по всей избе.*

Женька замолчал. Думал.

— Знаешь, почему стихи запомнил?

— Красивые.

— Нет! Всё как у нас зимой. И снега много, и синий свет вечером, и в доме от электричества всё золотое.

Добрыня поглядел на Женьку: своё видит, своё любит...

— Кто автор?

— Не знаю. Книжку в мусорном баке нашёл. Обложка была липкая. Я оторвал, бросил... В Москве книжки выбрасывают в контейнеры для отходов.

Добрыня усмехнулся.

— Была Москва майская, стала рыночная... России ведь тоже нет — базар.

Собирали бутоны роз.

— Подыши мной! — вдруг попросил Женька и потянулся вверх личиком. — Чуешь?

— Чую. Солнцем пахнешь.

— Солнцем волосы пахнут, выгорели. А щёки — лепестками. На лице запах оседает.

Добрыня нагнулся:

— Да-а!

— Я обязательно разведу на Облаке розы, — пообещал Женька.

Лунная дорожка

Луна покоя не даёт землянам. Нарботавшись, Добрыня лёг, как стемнело. Луна взошла над Облаком без его восхищения. И замерла, ожидая.

Добрыня и впрямь открыл глаза. Чёрная глубь небесного океана, беззвёздная, безмолвная, стояла над ним, и он почувствовал себя лежащим на дне. Вскочил, кинулся посмотреть Женьку. Пусто.

Стараясь не шуметь, прокрался к обрыву. Пусто.

Дивно как светло. Луна смотрела на Добрыню, и он спросил:

— Где?

Луна повела очами. Каменное ложе карьера сияло, как слиток позлащённого серебра.

— Где? — снова спросил Добрыня.

Луна чуть двинула бровью.

— А-а! — изумился хозяин Облака.

Через весь карьер и дальше в небо, — дорожка лунного света. По дорожке гулял Женька.

Добрыня опрометью помчался вниз, чего доброго на Луну в сладком своём беспамятстве отправится. А до рассвета долго ли?

Добрыня сам уже ничего не понимал. Земля, земная жизнь, земные люди... Он, слава Богу, дотянулся до Женькиных ног. Под коленки ухватил, изловчился — снял с лунной дорожки.

«Должно быть, сон», — подбодрил себя Добрыня. Женька был как пушинка. Отрочонок-сорочонок.

Добрыня смотрел в Женькино лицо, а Женька, улыбаясь, смотрел на Добрыню.

— Мне приснилось, что я научился ходить по лунным дорожкам.

— Дело нехитрое, — сказал Добрыня, забывши опустить Женьку на землю. — Даётся, однако, не всем.

— Мне запросто далось. Снял сандалии — и пошёл.

Ноги у Женьки босые.

— Где снял?

— У стены. У нашего дерева.

Добрыня понёс Женьку к стене.

— Опусть, — попросил луноходец. — Я и по камешкам умею ходить. Кто ходит босиком по камешкам — ума набирается.

Добрыня поставил Женьку на сияющее плато карьера. Женька побежал к дереву, к пруту глицинии, вернулся, показывая сандалии.

— Знаешь, Женька! — Добрыня даже в голове почесал. — А мы с тобой не спим.

— Не уснуть, — согласился Женька. — Полнолуние.

— Луна и звёзды — чудо.

— Чудо! — опять согласился Женька. — Я тебе на день рождения звёзд наберу.

Добрыня перепугался.

— Уволь! Лунные дорожки ещё туда-сюда, а до Млечного пути — ого! Среди звёзд, как в лесу, можно заблудиться.

Женька смотрел на Добрыню с восторгом.

— Ты чего?

— Так, — сказал Женька. — Ты вроде совсем большой... Ну, взрослый! А всё-таки наш.

— Чей это? — не понял Добрыня.

— Наш! — Женька засмеялся, а смех у Женьки с искорками. По Луне тоже искорки пошли: тоже смеялась. Как Женька.

Женькины ящерки

Утром снова блинчиками завтракали.

— Женька! — Добрыня даже по коленкам себя хлопнул, но все слова съел вместе с блинчиками.

— Чего? — спросил Женька.

— Да так. Глупости! Подумал: тебе девкой бы родиться... Но парень — это всё-таки парень.

У Женьки глаза почему-то стали большими, напуганными. Плеснул на сковородку тесто, а когда снимал блинчик, спросил:

— Я правда ходил по лунной дорожке?

— Чуть на Луну не ушёл. За ноги тебя поймал! — признался Добрыня и к Женьке придвинулся. — Ты мне про дом Расскажи. Дом-то наш — ого! — домище. Потрогаю — дом... Женька! Уж очень быстро его построили... Меня не было,

но ты ведь был, когда его строили.

— Не был! — Женька головой покачал.

— Как не был? Ты на Облаке оставался, пока я бумаги выправлял.

— Я жил у Захара Захарыча. Он меня учил, как надо за лозой ухаживать. Цветы учил сажать.

Добрыня глаза вытаращил.

— Выходит... Выходит, дом-то джинны поставили. Или как там: тят-ляп — вышел терем-теремок.

Женька повалился на травку. Травинку покусывал.

— Я сегодня не буду по лунным дорожкам гулять.

— Почему? Боишься, что этого не было? Боишься, что всё это приснилось? Тебе и мне — обоим сразу?

Женька глядел в небо и улыбался:

— Не боюсь. Но нельзя чудо испытывать. Я сегодня лунную музыку буду петь.

Добрыня быстро встал из-за скатерти-самобранки, подошёл к дому, дверью хлопнул.

— Не исчез.

— Лунная музыка тоже не исчезнет.

Женька засмеялся, точь-в-точь как вчера, когда сандалии нашёл.

— Ладно, — сказал Добрыня. — Мои чудеса рукотворные. Надо воду тянуть к карьере. Сад без воды в здешних местах — всё равно что мираж.

Женька собрал скатерть, перекрестился. «Отче наш» прочитал.

Занялись своими делами.

Добрыня соединял пластиковые трубы, а Женька ушёл в сад работать. Заглянул Добрыня в карьер — работник, раскинув руки, на каменной подошве лежит.

«Фокус новый приготовляет! — осенило Добрыню. — Скорее всего, лунная дорожка — цирковая штуковина. Иллюзия».

Не поленился, сходил за биноклем. Женька теперь лежал на животе и разговаривал. Слов не слышно — далеко. А вот с кем?

Добрыня поводил окулярами: ящерка! Сидя, с алыми крапинками. Глаза у ящерицы — чёрные бусинки, она ведь слушает Женьку!

Женька подставил ладонь, и ящерка на ладонь пошла. Женька сказал что-то повелительное. Ещё две ящерицы прибежали.

— Кто он у меня такой? — Добрыня отполз от края карьера.

Надо трубу в карьер пускать — не хотелось Женьку спугнуть. Воробьи ему — свои, ящерицы — свои. Он и сам какой-то... А вот какой? Славный паренёк. Бродяжка.

Добрыня по горизонту повёл глазами: такая земля и пустыня.

Лунное пение

Сидели возле очага, смотрели на догорающие угли, на пригоршни самоцветов.

— Они в эту вот секундочку как сокровище! — Женька положил на угли прутик засохшей виноградной лозы.

Занялся огонёк и погас.

— Если бы всё лучшее, всё самое доброе оставалось с людьми! — Женька взгрустнул. — Моя мама однажды вышила на полотенце огненные цветы, и я закричал: «Горим!» Мама очень смеялась. Когда моя мама смеялась, — пусть ночь на дворе! — в доме становилось светло. Мне сон снится: мама смеётся, а я вижу медведя на табуретке в углу. Маме на свадьбу медведя подарили. Ты мне веришь?

— Верю, — сказал Добрыня. — Женька! Я верю людям. Ты сказал, что будет лунная музыка. Значит, будет.

— Будет не музыка. Пение.

— Хорошо бы не проспать. Давай на боковую.

— Давай, — согласился Женька. — Луна чего-то задерживается.

— Главное, облаков нет, — сказал Добрыня и пошёл на своё место — под защиту могучих коряг лоха.

Проснулся вдруг, потому что в лицо смотрели. Глаза открыл — Луна. Услышал: кто-то кого-то зовёт. С одного края земли на другой. Голос нечеловеческий — до того это было тонко. Не стон, не крик. Голос накатывал волнами, волны имели пусть совершенно крохотные, но гребни. Эти гребни сверкали, как сверкают на воде. Голос — воздух, а сверкал.

— Лунная музыка, то есть пение! — вспомнил Добрыня. Поднялся.

Одежда шуршала. Земля под ногами тоже подавала звуки.

Замер. И услышал ответ зову. В той стороне, где оставленные людьми сады миндаля, завыл волк. Добрыня наконец пришёл в себя. Где Женька? Женьки нет. Скорее к обрыву! Никого. Глянул вниз, а в карьере — Луна. Женька стоял на Луне. Добрыня побежал вниз.

— Господи!

Луна и впрямь заполняла собой карьер. Женька стоял на дне лунного моря и, вскинув руки к небу, запрокинув голову, с закрытыми глазами пел лунную музыку.

Добрыня затаился. Слушал и плакал. Такого серебра даже у великих певцов не водилось в их драгоценных связках.

У Женьки дискант. С таким чудом в горле он — бродяжка. Ненужный великой своей стране, народу, который тоже себя за великого чтит.

Женька умолк, и Добрыня ахнул про себя: даже кузнечики — или кто там звенящий в траве? — молчали.

Женька опустил руки, но голову поднял ещё выше и пошёл. Его шаги были единственным звуком того мгновения. Карьер, дорожка мальчиком, звуки Женькиных шагов поднимал над землёй — и держал. Подойти поближе — и следы можно бы было увидеть. Лунные.

Женька, не открывая глаз, шёл уверенно. Добрыня крался за ним, оберегая. Но Женька, ни разу не споткнувшись, взшёл на Облако по тропе и лёг на своё место.

«Мальчик ты мой! Тебя же учить надо в консерватории!»

Добрыня наклонился над Женькой. Спит,

улыбается во сне. Засмеялся. Рассыпал свои ко-
локольчики.

Утром Женька про вчерашнюю ночь словом не
обмолвился. Добрыня терпел-терпел и сказал:

— Женька! Давай на море съездим. На лиманах. Лебедями полюбуемся.

— Лебедями! — обрадовался Женька. — В лиманах — лебеди?

— Тысячи! А может, и многие тысячи.

У Женьки уши стали красные, глаза опустились, а потом поднял:

— Когда мы поедим?

— Да хоть сей миг.

Женька бросился к Добрыне, подпрыгнул, обнял за шею — руки тоненькие, но счастливые. Обнимая, затаился на секундочку.

Лебяжий остров

Берега лиманов — голые, с морем вровень. Вода в лиманах — как зеркало. Под ногами — ослепительная соль. Соль моря.

Женька, закрывая дверцу, обжёгся.

— Как же мы теперь в машину сядем?

Добрыня завороченно смотрел на лиманы: не слышал.

— Это столько соли? — удивился Женька белым сугробам.

— Это столько чуда! Лебеди — островами.

— А чего они не летают?

— Кормятся.

Подожли к морю. Разулись. Разделись. Вода ласковая, песок ласковый. Шли к горизонту, а вода пятки закрывает.

— Я плюхнусь! — рассердился Женька.

— Потерпи.

Забрели по колено. Обернулись.

— Ого-го! — простонал Женька. — У меня сил не хватит до берега дойти.

— Донесу.

— Ну уж нет.

— Тогда ложись и отдыхай. Вода как парное молоко, а я за сеткой схожу, в лимане креветок наловим.

Женька лёг животом в воду, а когда Добрыня ушёл, перевернулся на спину, подложил руку под голову.

Из степи тянуло горячим, пахнущим полынью ветром. Дети-волны, крошечные, бе-

жали по Женькиной груди, всплёскивали, что-то шептали.

— Я слышу! — сказал волнам Женька. — Вас разбирает смех. Вы надо мной смеётесь. А я, между прочим, блаженствую.

Скорее всего, Женька даже вздремнул. Его накрыло быстрой тенью, а на небе — ни единого облачка. Женька приподнял голову. Совсем близко, шагах в десяти, не больше, на маленьких волнах покачивались два серых лебедя.

— Где это вы так вымазались? — спросил Женька и увидел Добрыню с сеткой через плечо. — Смотри, какие чумазы!

Добрыня засмеялся:

— Они не чумазы. Они — молодь. Им год.

Молодые птицы людей не боялись. Не улетели.

Добрыня и Женька напрямки по морю, по сухой камке на берегу, вышли к лиману.

Завели сети, подняли, а в ячейках — улов: креветки.

— Семечки пиратов! — сказал Добрыня. — Дома пощёлкаем.

— Лучше в степи пощёлкать! — не согласился Женька. — Еды — на зуб, а мусора — с ведро.

— Будь по-твоему, — согласился Добрыня. — Поделится добычей с Захар Захарычем.

Завели другой раз сеть, третий — вот тут и зашумело в небе.

На ловцов креветок летели птицы-витязи. Летели низко, утрашая.

— Головы у них, как боеголовки! — Добрыня подхватил сеть, Женьку — за руку. И — к берегу, к машине.

Лебеди, ударяя крыльями о воздух, прошли чуть в стороне. Развернулись — в атаку. Женька почувствовал: воздух колыхнулся. Креветок и сеть с креветками Добрыня бросил в багажник.

— Поехали, Женька!

Лебеди сделали круг над машиной. Пролетели опять очень низко, загораживая свет.

— Отважные ребята! — порадовался Добрыня. — Бойцы!

Ехали по бетонным плитам брошенной дороги. Плиты замело чернозёмом. По чернозёму — сурепка, тамариск, дрок.

— Ещё десять лет, и будет здесь земля необитаемая.

— Не будет, — сказал Женька. — Мы ведь пришли. Живём.

— Край драгоценный! — согласился Добрыня.
— Я о другом. Как быстро земля затягивает раны, нанесённые человеком...

Женька долго молчал.

— Без нас на земле всё-таки скучно. Мы ведь всему хорошему радуемся.

«Совсем мальчишечка, а мудрец», — подумал Добрыня.

А Женька вдруг вздохнул.

— Видел тысячи лебедей. Остров лебедей... А я хотел на одного поглядеть. Чтоб лебедь и я.

— Про меня забыл, — Добрыня обиделся.

Женька долго молчал. А потом сказал:

— Лебедь, ты и я. Втроём тоже было бы хорошо. Ты умеешь смотреть.

Ордена и медали

Захара Захарыча ловцы креветок застали за делом преудивительным.

На площади, выложенной кремлёвской брусчаткой, от голубых елей до памятника Матери-Родины Захар Захарыч выкладывал цепочкой ордена и медали исчезнувшей с карты мира державы.

— Наш доблестный труд! Наши подвиги в сражениях за Отчизну.

— Захар Захарыч! — Добрыня покраснел, смутившись. — Это... коллекция?

— Какая же это коллекция? Слава народа, жившего на нашей земле. Мы собрали награды — правителям представить. Чтоб опомнились, какое государство расчлениают, какой народ рассекают, угождая всем врагам нашим, нынешним, прошлым, будущим. — Захар Захарыч засмеялся, пожалуй, даже весело. — Собрать собрали величие своё, а предъявить — кому?

Добрыня вглядывался в необыкновенную цепочку:

— Орденов Ленина больше тридцати!

— Тут все эпохи... Хочу призвать народ оставший опоясать земной шар. Всякая медаль здесь трудом заработана, а то и кровью. В нашем совхозе работников с пустой грудью не было... И ни одной войны мимо нас не прошло. Оккупацию выдюжили.

Захар Захарыч взял Женькину руку, повёл по длинному ряду медалей.

— Видишь, «За Отвагу» — самая славная ме-

даль. Все, кто были на войне из нашего совхоза, имели эту солдатскую награду. Все!

— «Красная Звезда». У моего дедушки была «Красная Звезда»! — возликовал Женька.

— За дело давали. За участие в боях.

— А кто эти тётенки и дяденьки? — показал Женька.

— Орден «Знак Почёта». Этот вот — мой. Всего их здесь ровным счётом шестьдесят.

— А с кораблём какой орден?

— «Октябрьской революции». Один из последних советских орденов. Наш совхоз удостоился этого ордена. У директора школы был, у главного винодела, у двух-трёх виноградарей. Нам не все удалось собрать.

— «Красных Звёзд» много.

— Все мужчины воевали. Эти синие — «Трудовое Красное Знамя». Многие учителя имели, доярки, комбайнёры, инженеры. Вот старейший орден. У нас в селе жил герой Гражданской войны. «Боевое Красное Знамя». Орден Дружбы народов — мой личный. Серебряные звёзды — ордена Славы. Солдатские ордена. Кто танк подбил, кто пушку, — Захар Захарыч нагнулся, поднял орден. — Вот бесценная награда — «Материнская слава». А это орден Богдана Хмельницкого второй степени. Это орден Александра Невского. Комбатов награждали, командиров рот. Очень ценная для нас медаль «Партизану Отечественной войны». Вся история здесь. У моей учительницы было три ордена: Знак Почёта, Трудового Красного Знамени и Ленина. У трёх наших виноградарей было по два ордена Ленина. А вот Золотой Звёздочкой героя нас обошли. Уж очень мы были богатые. Свой санаторий на берегу моря построили, имели четыре яхты. Картинная галерея была своя.

— Надо не цепочкой ордена класть, а положить на каждый камень брусчатки. Пусть НЛО поглядит. Поглядит и возьмёт совхоз на свою планету.

Добрыня даже кулаком о кулак ударил:

— Женька! Ты не патриот.

А у Захара Захарыча лицо стало маленькое, горестное.

— Я готов лететь на другую планету. На нашей труженики стали ненужными! Это ведь жизни конец!

— Надо не бежать с планеты, надо хорошенько разобраться с правителями нашими... Со всей этой шайкой капиталистической.

Захар Захарыч вздохнул:

— Шайка! Лейка! Сами допустили такое, с себя надо спрашивать.

Подошёл к Женьке, положил руку на его тоненькое плечико:

— Всё это наследство — тебе. Тебе хранить славу всех нас. Слава — не звук. Слава — зерно. Если его посеять, будет урожай.

Женька вдруг кинулся бежать. Подбежал к стеле памятника Матери-Родины.

— Я маленький! Посмотри, какой я маленький!

— В самый раз, — сказал уверенно Захар Захарыч. — Я в колхозе возил обед в поле. Мне было пять годков. А когда стало семь, я возил в особой телеге грудных младенцев. Матери им давали грудь, а я отвозил сытую ребятню обратно в село.

Женька обнял руками стелу.

— Мне бы каких-нибудь сил!

— На свои надейся. Не подведут, — сказал Захар Захарыч.

— Не-ет! — Женька помотал головой. — Чтоб вернуть счастье на нашу землю, силы нужны... небывалые.

— Небывалое — это то, чего быть не может, — сказал Захар Захарыч. — Неприметное ни для кого добро — сильнее танка.

Женька подбежал к большому кусту возле памятника.

— Вот! Смотрите!

Разорвал паутину, принёс кузнечика:

— Вот вам маленькое добро! — открыл ладонь — кузнечик взлетел, упал в траву, тотчас скакнул и затаился.

— Кого я спас, кроме кузнечика?! — крикнул Женька.

Добрыня поглядел на Захара Захарыча.

— Видал, какая молодёжь?

— Хорошая, — сказал Захар Захарыч, взял Женьку за руку и повёл к своему дому. — Ты, голубчик, человеком себя показал.

— Кому? — прошептал Женька. — Кому я себя показал?

— Белому свету.

Через пять минут жители Облака уже ехали на

свою гору. Женька подбрасывал на руке мешочек с семенами редиски.

— Ладно! Я посажу редиску. А потом мы её съедем, если вырастет. Вот и всё чудо?

— Поглядим, — сказал Добрыня. — Захар Захарыч — человек не простой. Может, вместо редиски аленький цветочек вырастет.

Женька засмеялся, но не весело.

— С лебедем хочу поговорить.

— Думаешь, царевной обернётся?

— Царевна мне совсем даже не нужна! — Женька сердито нахмурился.

— Странный ты у меня парень! — Добрыня рот ладонью прикрыл. — Вздремнуть бы!

Женька молчал-молчал и сказал:

— Мне блинчиков хочется. Без всего. Просто блинчиков. Маминых. Толщиной с папиросную бумагу.

Блинчики

Добрыня всё утро возил в карьер землю, а к дому — сухие коряжки. Дровами на зиму запасался. В обед хватился — Женьки нет. Есть расхотелось. Ушёл мальчишечка? Но всё ведь было нормально.

Нужно то, нужно это, однако ж работали в охотку. Лёг на траву у криницы. Голову положил на стелющийся по земле ствол серебристого лоха. Смотрел в небо, и ни единой мысли не было в голове.

Небо потеплело, потом стало серебряным. Мелькнула летучая мышь.

«Плохой из тебя Робинзон!» — сказал себе Добрыня.

Захотелось стать маленьким. Будь он маленьким, поплакал бы.

— Дз-зинь!

Приснилось, что ли?

А звонок — вот он. Добрыня поднялся: Женька на велосипеде.

— Мне Захар Захарыч сковородку дал.

— А в корзине что? На багажнике.

— Кастрюли. В термосе — козье молоко.

Женька принялся хлопотать. Замесил тесто, угли раздувал. На угли — сковороду.

— Ты чего хочешь-то?

— Блинчиков!

Добрыне было хорошо, а вот сил — ни грамма.

Ветки сухие в костёр подбрасывал. Шипела сковорода, потянуло запахом, забытым, вкусным. Этот запах в нём жил, хотя никогда не напоминал о себе.

— Блин первый, да не комом! Отведывай!

Женька улыбался. В руках у него тарелка, на тарелке — блинчик.

— Пополам, — решил Добрыня. Лепесток блинчика был почти не осязаем.

— Мамин! — глаза у Женьки радовались тихо, по-домашнему. Как-то очень по-женски.

Убежал к сковороде, вернулся со вторым блином.

— Твоя мама тоже такие блинчики пекла?

— Точь-в-точь.

Женька снова кинулся к сковороде: блинчику сгореть недолго.

— Прижаристый вышел. Такие только хрумять.

Они ужинали под луной блинчиками.

— Ты пальцы облизываешь? — спросил Женька.

— Облизываю.

— Правильно. Я блинчики маслом смазал. Так моя мама делала.

— И моя, — сказал Добрыня.

Женька встал, поднял руки, показывая Луне.

— У меня и пальцы, и ладони в масле. Как ты думаешь, лунный свет к рукам прилипает?

Добрыня тоже ладони раскрыл:

— Солнечный свет — вполне возможно. От солнца частицы распространяются по Вселенной. У Луны свет отражённый.

— Не совсем, — сказал Женька. — Луна тоже свои частицы посылает. Моя мама при Луне могла по вершинам сосен гулять.

Женьку опять понесло в выдумки.

— Не веришь?

— Нет, почему...

— Не веришь. Я бы тебе показал, как ходят по вершинам. Сосен вот только нет.

— Ой! Женька! — улыбнулся Добрыня. — Ты маху дал. Сосны на этой земле великолепные. В горах.

Женька щёлкнул ладонью о ладонь:

— Ловлю тебя на слове! Съездим в горы, и я тебя научу ходить по вершинам.

Добрыня хотелось обнять мальчишку, но руки и впрямь в масле. А Женька не унимался:

— Ты видел?

— Что?

— Ну, я щёлкнул ладонью о ладонь, а лунный свет так и брызнул. Выходит, что прилипает.

Добрыня снова посмотрел на свои ладони.

— А я, чудак, руки вымыл.

— В ручье?

— В ручье.

— Так ты на воду смотри! Лунный свет с твоих рук вода уносит.

— Женька, какой же ты догадливый! — Добрыня взял мальчишку за руки, раскрутил, и Женька от восторга завизжал, как девчонка.

Воробей

А на другой день началась история с воробьём.

Женька вместо зарядки бегал в карьер поливать огород: редиску, лук, морковь, три грядки картофеля, грядку свеклы, грядку капусты.

На завтрак явился радостный, глаза сияют, щёки румяные:

— Мой воробей прилетел!

— У тебя даже воробьи свои? — посмеялся Добрыня.

Женька не обиделся:

— Не воробьи, а воробей. Он меня искал, и мы теперь нашлись.

Женькино завиральство — обыкновенное мальчишество, но Добрыня брехни не терпел.

— Я не забыл твои рассказы, — суровый Добрыня хмурился. — В лес я тебя отвезу, погляжу, как ты по деревьям гуляешь. Теперь о воробье...

— Да вот он! — Женька показал на ветку сербристого лоха.

— Вижу. Воробей. И что дальше?

— Да ничего. Прилетел, будет с нами жить. — Женька вытряхнул на край клеёнки ложку пшённой каши.

Воробей чирикнул с ветки, сел на самобранку и принялся завтракать.

— Он точно меня узнал!

Добрыня чаем поперхнулся, кашлял до слёз, всей грудью. Но воробей не улетел, смотрел на большого человека и чирикал. Может, советы давал.

— Где же вы познакомились? — спросил Добрыня Женьку.

— В Воронеже.
 — Тебя и в Воронеж заносило?
 — Хотел мамину сестру найти. У её дочери две недели жил. Воробей этот из гнезда выпал. Я его выходил, а уж потом уехал.
 — Думаешь, тот самый?
 — Спина, видишь, какая коричневая. Этот воробей царской породы. Воробьи тоже ведь разные.

Кашу Добрыня ел молча. А как доел, сказал:

— Про кошек слышал. Находят хозяев за тысячи километров.

— Я в Воронеже и кошку молодую спасал. Залезла на дерево, а назад — смелости не хватило. Всю ночь на дереве плакала. Я иду — мяучит. В соседнем дворе это было. А балбесы от смеху покатываются. Я на дерево залез, положил кошку за пазуху. На земле отпустил, но она за мной пошла. Мамина сестра кошку в дом не взяла. Я обиделся и уехал.

— Выходит, кошка тебя тоже ищет по белу свету.

— Не знаю. Красивая была. Рыжик. Вообще-то, это был кот. Я его Огоньком назвал.

Садясь в машину, Добрыня сказал Женьке:

— Если уж тебя воробей нашёл, отыщет и кот.
 — Воробей не корова, ему на зиму не надо сено косить. Пусть живёт!

— Да пожалуйста! Кот ведь тоже не тигр, — подумав, решил Добрыня. — Милости просим.

Дары огорода

Ну как Женьке не верить!

Утром чай пили под чирикание воробья.

— Воробьи просыпаются раньше всех птиц! — сказал Женька. — Мой дружок и позавтракал уже, и пообедал. Теперь с нами разговаривает.

— Какие у тебя дела сегодня? — спросил Добрыня.

— Поеду крапиву искать.

— Крапиву? Щи, что ли, хочешь сварить? Крапиву едят молодую.

— Я хочу развести крапиву, — сказал Женька.

— Крапива — существо полезное.

— Пустырник видел. А крапива здесь редкость.

— Я и лопухи хочу завести.

— Говорят, корни лопуха целебные. Вот только не помню, что лечат.

— Не-е! — замотал головой Женька. — Я — не лечиться. Я в лопухах сидеть люблю. Лопух — царь травяного царства.

— С Богом! — сказал Добрыня. — Всякое растение — чудо. Я даже так думаю: лопухи Творцу дороже иной галактики.

Женька глянул, ещё разок глянул.

— Почему? То — лопух, а то — Галактика. Миллиард звёзд.

— Земля Богу желанна. Звёзды — огонь. Атомные реакторы. А лопухи — жизнь. Всякая мошка — жизнь.

Женька взял велосипед, повёл под горку. Обернулся.

— Между прочим, камни не хуже нашего живые.

— Согласен! — сказал Добрыня. — Наше Облако — живое.

Вечером Женька подал кресс-салат.

— С нашего огорода. Ещё денёк — и будем есть редиску.

Положил на тарелку морковку, но цветом и листьями — редиска.

— Захар Захарыч семена из Средней Азии привёз.

Кресс-салат был острый, редиска — сочная.

— Я тебя тоже удивлю! — объявил Добрыня. — В лесополосе грибы видел. Рядовку. Эти грибы у нас мышками называли. Серые, аккуратные и, сколь помню, вкусные.

— Степные грибы не знаю, — признался Женька.

— Я тебе покажу. Соберёмся, в горы съездим, в настоящие боры. Грибы там тоже вполне русские: белые, маслята, лисички.

— Дождей надо ждать.

— В горах — туманы. Дожди там свои, местного значения. На одной горе солнце, а другую ливень поливает.

— Ладно! Я пока что крапиву ищу.

Крапиву Женька нашёл в балке, в зарослях тёрна, вишни, ежевики. Окапывал с запасом, чтоб корни не повредить. Посадил крапиву на краю карьера, под стеной. Полил, порадовался делам рук своих. Пошёл надёргать редиски на обед и — остоленел. Урожай был снят подчистую — вся грядка.

Вор оставил следы. Женька сел на землю, смеялся след пятернёй и, поднявшись, плюнул.

— Дурак здесь был!

Ещё раз исследовал воровской путь и сказал вполне убеждённо:

— Большой дурак!

Но что подделаешь! Редиска сгнула. Женька набрал листиков кресс-салата и с велосипедом кружным путём пошёл на гору.

Занялся костром, приготовлением каши с тушёной. Для первого сварил молодой картошки и четыре яйца вкрутую. Сегодня на первое у них был квас от Захара Захарыча.

С Облака по долине потянуло призывными запахами еды.

Женька заправил квас картошкой, положил пополам разрезанное яйцо. Укропом квасок посыпал, добавил зелёного лука, кресс-салат. Подумал: корешок хрена измельчил на тёрке. Добрыни всё не было. Загулял на просторах.

Женька попробовал кашу: вкусно. Хлебнул ложку кваса — сила.

И тут окликнули.

— Эй! Меняю редиску на кашу!

Под горой, где кусты тамариска, сидел на земле человек четырнадцати лет. Перед человеком на прозрачном дождевике — куча редиски.

— Кормись корнеплодами! — сказал парню Женька, да так бесстрашно, что поёжился грабитель. Смелость мальчика задела за живое. Побежал глазами по округе — никого. А тут ещё в животе заурчало. На рожон лезть всё-таки поостерегся. Сказал примирительно:

— Мена выгодная. Столько редиски за две тарелки каши! Пучок в городе знаешь сколько стоит?

Женька вдруг согласился:

— Ладно, каши дам, сколько в тебя влезет. Неси редиску. Котелок у тебя есть?

— У меня бейсболка.

— И ложки нет?

— Управлюсь без ложки.

Женька положил кашу в тарелку.

— Так и быть. Вот ложка.

Парень взял тарелку, ложку, ушёл в свой тамариск.

До того, знать, оголодал: ел и постанывал. За второй тарелкой пришёл через полминуты. Спросил без угрозы:

— Малец, а чего ты меня дураком крестил?

— Ты зачем выдрал всю редиску?

Парень на солнце выгоревший, даже брови белые. Впрочем, от еды разругался, глаза смотрели весело. Признался.

— Зачем? Затем! Уж очень есть хотелось.

Женька положил в тарелку три ложки каши. Сказал строго:

— Ешь с расстановкой. Заглотишь — заворот кишок заработаешь.

Парень возрился на квас.

— Дай квасу вместо каши.

— Уговора такого не было.

— Тогда продай.

Женька пожал плечами:

— Продать не могу, ценника у меня нет. Лишнего с тебя взять — нехорошо, своего упустить — тоже нехорошо.

— Меняю! — парень полез глубоко за пазуху, покопался и достал... камешек. С дождинку. Положил на ладонь. — Знаешь, сколько стоит? Деньжищи! Настоящий изумруд. На такой камешек можно купить бочку вина.

Парень вертел в пальцах свою драгоценность, а сам поглядывал на пикапчик, спешивший в их сторону.

— Ворованный? — спросил Женька.

— Не знаю. Хозяев теперь не найти. По ним ОМОН из автоматов шмалел.

— Беру ради интереса! Вот половник — черпай.

С тарелки парень ел ложкой квас, блаженствуя:

— Ей-богу, не жалко камешка!

Тарелка была чиста, когда подкатил к Облаку Добрыня. Удивился обилию редиски и уж потом пришельцу:

— В народе говорят: гость — на хрен, на редьку — дорогой гость!

Женька руки к небу воздел:

— Весь урожай на столе! А гость у нас и впрямь дорогой, — подал Добрыня изумруд. — Плата за обед.

Добрыня разглядывал камешек:

— По-моему, изумруд настоящий.

— Настоящий! — сказал выгоревший на солнце гость.

— Сворованный у воров, — сказал Женька.

Парень замотал головой:

— Не ворованный! Я тебе правду не сказал, потому что всё равно бы не поверил. Меня эти самые раздели, натянули на меня свою руба-

ху, потом снова одели... А тут — ОМОН. ОМОН первый стрелял. А я — что? Пули ждаль? Слинял.

Добрыня смотрел на изумруд, молчал.

Женька протянул за камешком руку:

— Это мой.

Добрыня камешек отдал. Спросил парня:

— Ты жить к нам пришёл?

— А возьмёте?

— С изумрудами не возьму.

— А куда их девать?

Молчали.

— У тебя много? — спросил Добрыня.

— Много.

— Такое богатство скорее всего ищут, — сказал Женька. — Мы с Добрыней — по грибы, а ты где-нибудь клад зарой.

— Запросто! — согласился выгоревший на солнце.

— Так тому и быть! — поставил точку Добрыня.

— Пообедаем, потом мы с Женькой поедим в посадки за рядовкой, а ты распорядись со своим сокровищем. На Облаке, на горе нашей, прятать не позволю. Остальная земля — твоя.

Женька налил две тарелки квасу. Добрыня посмотрел на поварёнка с недоумением.

— Он уже ел. Ему хватит, — голос у Женьки был строгий.

— А имя у человека есть?

— Есть, — сказал человек, набитый изумрудами. — Меня зовут Ксаверий.

— Как?! — изумился Женька.

— Ксаверий. Можешь Колькой звать, а за «кису» получишь.

— Почему же Колька? — не согласился Добрыня. — Ксаверий — красивое имя. У меня дед по маме был Ксаверий. Православного святого такого нет, но есть Саверий... Сам-то я тоже Добрыня.

— Богатырь! — сказал Женька. — У меня одного нормальное имя — Евгений. Между прочим, Евгений — в переводе «благородный».

— Квас, Женька, замечательный. Надо у Захара Захарыча рецепт записать, — Добрыня опустошил тарелку и — к машине. — Поехали! А ты, Ксаверий, прежде чем дело сделать, подумай. Осмотришься на местности.

В машине хозяин Облака сделал Женьке страшные глаза:

— Не хватало нам ОМОНа, ФБР, ФСБ, Моссада со Смершем.

Женька хмыкнул.

— А если мы сами по себе разбогатеем?

— Мы разве не богатые? У нас Облако. Существуем разумно, убитую землю возвращаем к жизни! — поглядел на Женьку долгим взглядом.

— Тебя богатство манит?

— Нет! — сказал Женька. — Ты меня манишь. Ты вон чего придумал — гору.

— Ничего не придумывал. Я родился на Облаке.

— Всё равно здорово! — Женька положил голову на Добрынино плечо. — Между прочим, моя мама, вернее, бабушка и даже всё-таки прабабушка — родилась в Сиаме.

— Где?! — изумился Добрыня.

— В Сиаме, в королевской семье.

Добрыня выключил мотор:

— Приехали, под ноги смотри! Грибы растут на земле, а рядовка к тому же серая!.. — и обрадовался. — Смотри, стайкой стоят, нас ожидаючи.

Аллея

Они набрали корзину грибов за десять минут. Сели в тенёчке осмотреться и дух перевести.

— Женька! А ведь это дубы! — обрадовался Добрыня, показывая на аллею молодых деревьев. — И не просто дубы, а горные, ушколистые дубы. Здесь фантазёры жили. Неравнодушные, в общем, люди. Люди с будущим.

— А у нас что ж, будущего нет? — зыркнул серыми глазками Женька.

— Теперь общего будущего нет. Народного. У каждого — своё. Какое получится.

— Какое своруют? — спросил Женька.

— Для богатых так оно и есть.

Они помолчали, огорчённые, но Женька вдруг рукой взмахнул как отрезал.

— У тех, кто живёт на Облаке, будущее будет. Для всех — одно, и для каждого — своё.

— Я домой боюсь возвращаться, — признался Добрыня. — Изумруды на нашу голову! Не было печали...

— Он их закопает, и никаких вопросов.

— Накормили, напоили... Скорее всего, уйдёт. Женька помотал головой:

— Не уйдёт. Он — правильный пацан. Он за нас ухватится. А на его камешки мы поглядим ровно через двадцать пять лет. Надо будет число записать.

— Имя он своё назвал, — сказал Добрыня. — Хорошее имя — Ксаверий.

— ЖКД!

— Какое ЖКД?

— Женька, Ксаверий, Добрыня.

— Ты — Евгений.

Женька улыбнулся. Очень хитро улыбнулся:

— Я потом буду Евгением. Ладно? Женька — лучше. Ну, для сегодняшнего дня. Договорились?

— Договорились! — Добрыня плечами пожал. Он и впрямь ничего не понял, а вот на дубки загляделся. — А что, если нам посадить аллею?

— Три аллеи! — у Женьки глаза загорелись. — Дубовую — раз, из голубых сосен — два и липовую, медовую, — три!

— Тогда уж четыре. Посадим ещё платановую — вечную! С тобой не пропадёшь.

— Со мной — о-о-о! — и Женькины колокольчики перезвенели степные стрёкоты травяных скрипачей.

Женькины уши

Добрыня и Женька приехали с грибами, а у Ксаверия — своя добыча. Всё крыльцо было устлано патефонными пластинками. Пластинки были как новые.

Женька взял одну:

— «Лучше нету того цветущу»... Песни на слова Фатьянова...

Добрыня тоже взял пластинку:

— Обухова. Господи! В этом голосе — всё лучшее, что есть в русских людях. — Сел на ступеньку: — Какое богатство! Вся история. Весь наш СССР. Смотрите: Поль Робсон. Яков Козловский, — вдруг спел: — Просыпаемся мы, и грохочет над полночью то ли гроза, то ли эхо ушедшей войны! — ахнул: — Смотри, Женька! Утёсов...

«Борода ль моя, борода, / До чего ж ты отросла. / Говорили раньше: шётка. / Говорят теперь: метла...» «Дайте в руки мне гармонь, золотые планки!..», «Каховка, Каховка, родная винтовка...»

— Откуда? — спросил Женька Ксаверия, кивнув на пластинки.

— Нашёл. Там ещё столько, столько и полстолько.

Женька — все грибы в котёл на огонь.

— Отваренные можно жарить... А пластинки послушаем у Захара Захарыча. Голову на отсечение: проигрыватель найдётся.

— Думаю, что и патефон есть.

Вода закипела быстро, вкусно запахла грибами.

— Я отложу половину в кастрюлю, — сказал Женька. — Отвезём Захару Захарычу, там и пожарим. Масло я тоже возьму. Добрыня, отбери пластинки — самые-самые... социалистические.

— Значит, Обухова, Козловский, Утёсов, Русланова... Пирогов вот ещё. Огневцев.

— А ты!.. — Женька упёрся вытаращенными глазами в Ксаверия. — А ты, пока мы будем в гостях, перепрыгнешь камешки. Понял?

— Не понял. Мою утайку даже собака не унюхает.

— Собака не унюхает, а человек высчитает запросто. Объявились пластинки... Пластинки вывез работник Дворца культуры винзавода. Кто ищет, тот обязательно проверит такое место. Пластинки пролежали столько лет и не испорчены. Схрон что надо.

— Женька! Тебе надо на сыщика учиться! — Добрыня смотрел на мальчика с восхищением.

— Он будет вором в законе! — не согласился Ксаверий. — Воры в законе миллионы имеют. У них магазины, у них наркота. Ловцы бандитов как раз у них на службе.

Добрыня грозно топнул ногой. Постоял и другой ногой топнул.

— На Облаке люди будут жить по-советски, по десяти заповедям. Женька, напиши заповеди на большом листе... Нет! Ты все десять заповедей на двери нашей напиши. Большими буквами. Или нет! На стене.

— На столбе! — сказал Женька. — Вроем пограничный полосатый столб, прибьём щит и на щите напишем.

— Согласен! — обрадовался Добрыня. — Женька, ты у нас голова! Я подумал, а ты сказал.

— Не голова — уши, — сказал Женька. — Я слышу, я улавливаю неродившиеся мысли.

Ксаверий посмотрел на Женьку, посмотрел на Добрыню. Хмыкнул.

— Заповеди? А вы все десять знаете?

— Не убивай! Не воруй! Почитай отца и мать!

— Добрыня остановился. — Не сотвори себе кумира.

— Главное, не стучи на своих.

— Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего, — поправил Ксаверия Женька и стал говорить очень быстро. — Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни осла его, ни всякого скота его — ничего, что у ближнего твоего.

— Женька! — удивился Добрыня.

— Я читал, а то, что читал, помню.

Добрыня взял несколько пластинок, положил на заднее сиденье машины.

— Поехали, Женька! Столб поставим, а заповеди, пожалуй, не будем писать.

— Напишем просто, — решил Женька. — Облако.

Когда ехали от Захара Захарыча

— Ох, Захар Захарыч! Ох! — Добрыня слезами умылся, слушая пластинки.

У Женьки тоже глаза оказались плакучими. Он даже всхлипывал.

Домой ехали, в груди имея лёгкие сердца. Полегчавшие.

— А это — Ксаверий! — Женька показал на дорогу.

— Ты куда? — спросил Добрыня, остановив машину.

— Вас встречаю.

— Соскучился? — спросил Женька серьёзно.

— Соскучился.

— Ты — наш, — Женька отворил дверцу. — Садись. Мы с тобой не больно какие... Уместимся на переднем.

Вышли в карьере. Ксаверий тёр нос, чтобы не чихнуть.

— Ты, как девчонка, цветами пахнешь.

— А от тебя псиной несёт! — обиделся Женька.

— Я, между прочим, лепестки роз собираю.

— Псиной, говоришь? — Ксаверий понюхал свои руки. — Нормальный запах... Я за три дня собаку съел. А было это неделю тому назад.

— Собаку? — обмер Женька.

— Её добыть надо было. С тебя. Одичалая. Между прочим, мне собачатина врачом прописана. У меня лёгкие слабые.

Женька всё понял:

— Ты в тюрьме сидел?

— Я же малолетка!

Женька смотрел на Ксаверия, будто видел впервой.

— Чего вылупился? Я не вор, чтоб сидеть по тюрьмам. А собак ел. Я с чертями жил. О чертях знаешь?

— Слышал, но какие они, не знаю.

Ксаверий смотрел на Женьку будто издали.

— Учти! Я всегда говорю правду. Даже ментам. Главное, лишнего не молоть. Про камушки всё, что сказал, — правда.

Женька поднёс ладони к лицу:

— Завтра со мной пойдешь. Розовые лепестки, если сварить варенье, лечат простуду.

— А чего смотришь?

— Жалею... Я себя жалею, я Добрыню жалею, Захара Захарыча... А вообще, всю нашу страну! — Женька чёлку со лба смахнул. — Запомнил. Вырасту — посчитаюсь за всё. И за твою собаку. Они сидят, как на царстве, и все — уроды. И все получают! За свою сладкую жизнь.

Женька взмахнул рукой и пошёл на огород. У него вдоль стены календула зацвела.

— Я розами пахну, а теперь буду пахнуть вашей пыльцой.

Склонялся над каждым цветком, каждому цветку удивлялся.

Дар

Сели обедать, и Ксаверий положил на скатерть-самобранку медную ручку в виде льва. Сама ручка — львиное тело, задние лапы и — для красоты! — повернутая за спину тяжёлая гривастая башка. Всё это заплесневело-позеленело, одним словом, вещь старая.

— Господи! — изумился Добрыня. — Ты где это нашёл?

— В ручье. Вода вымыла.

— Не знаю, не знаю! — Добрыня держал ручку на ладонях. — У нас был старинный шкаф с двумя такими львами.

— Начало музею Облака положено! — объявил Женька.

На другой день Ксаверий снова удивил. На обеденную клеёнку легла большая пуговица — тоже медная, позеленелая.

— От мундира, — определил Добрыня. — А вот какого времени — это надо у музейщиков спрашивать. Не советская и не гитлеровская. Великая Отечественная война отпадает. Но в Гражданскую здесь были французы и вообще Антанта — Союз европейских государств... Крымская война 1853—55-х годов тоже сюда забредала...

— Опять сыскал у ручья? — спросил у Ксаверия Женька.

— Не-ет! Землю копнул...

— В этом краю Альминская битва случилась, — сказал Добрыня. — Интересная находка.

Женька сузил глаза.

— Пусть он скажет, откуда всё это! У него — камешки, у него — медные львы, старинные пуговицы, а денег старинных не находил?

— Находил, — сказал Ксаверий. — Я ещё в нашем городе на чердаке дома под снос нашёл коллекцию монет старых немецких государств. Обо мне в газете писали.

— Ладно, — сказал Женька. — Выходит, ты везунчик.

Ксаверий вдруг осерчал — закричал на Женьку, кулаки сжал. Лицо красное, уши красные и глаза красные.

— Какая мне польза от пуговицы?! Какая мне польза от изумрудов?!

— Не ори, балбес! — рявкнул на Ксаверия Женька. — Я просто удивляюсь тебе!

— Чему?

— Спроста, что ли, находить необычное?

— Спроста, — сказал Ксаверий. — Я ничего не ищу... вот и нахожу.

— Талант это называется. Дар.

— А у тебя какой дар... талант этот самый?

Женька рассыпал свои колокольчики:

— Мой дар, мой талант — любить! Всё! Я люблю — всё!

— Тебе в монахи надо! — сказал Ксаверий.

— Нет! Для моей любви нужна знаете что? Семья. А она у нас получается.

Найденная Вероника

День прожили в трудах, в заботах. Вечером Женька и Добрыня сидели в будущей библиотеке. Один шкаф у них был: подарок Захара Захаровича. Шкаф древний, резной. Витиеватости таинственные. И цвет таинственный. Поглядишь — тёмный, а потом из тёмного начинает проступать огонь. Притронуться страшно — вдруг это расплавленный металл!

По окнам постукивало. Шёл дождь.

— Вот и началась наша домашняя жизнь, — сказал Женька.

— А где Ксаверий?

— Пошёл за лавандой. Это далеко. Вымокнет.

— Чего он теперь найдёт, наш излема?

— Кто это, излема?

— Это я вспомнил караимское слово. У них искать — «излемек». А «искатель», наверное, «излема». У нас на Облаке жили караимы — два или три дома. Я в детстве знал караимские слова. Лепёшка — «булгача», мясо — «эт», соль — «туз», красный — «кырымызы», белый — «бийяз», чёрный — «къара», серый — «чал», синий — «мави». Кое-что помню.

— А я бы хотел на Луне родиться! — сказал Женька.

Добрыня даже встал.

— Нет, я — землянин! Если мою душу занесёт в какую-нибудь дальнюю галактику, хоть раззолотую, буду продираться сквозь звёзды к Земле.

Хлопнула входная дверь.

— Пришёл, — сказал Женька.

— Если это Ксаверий, то он идёт на четвереньках? — поднял брови Добрыня.

Дверь библиотеки открылась, вошла женщина, потом и Ксаверий.

— Вот! — сказал Ксаверий. — Я нашёл.

— Красивая! — одобрил Женька.

На голове гостии — туго повязанный платок очень хорошего, непередаваемого словами цвета. Большие ирисы на блузке, но только справа — от плеча по груди, по талии. Туфли лёгкие, на таких летать, но запылённые. Пройдено много... Тёмная, но не чёрная. Не джинсовая, ткань явно «не жаркая» и в то же время плотная.

Голос-то какой! Женька чуть было нюни не распустил от чувств.

— Это верно, — сказала женщина. — Ксаверий

меня именно нашёл. Я совершенно потерялась на этой оставленной — но не Богом! — земле.

— Добрыня, Евгений! — Добрыня назвал хозяев дома.

— Женька! — Женька цапнул глазом Добрыню.

— Меня зовут Вероника, — женщина улыбнулась Женьке. — Вероника Владиславовна. Это сложно. Так что — Вероника.

— Что стоишь? — Добрыня смотрел на Ксаверия. — У нас гость. Разводи огонь. Гостя надобно накормить, напоить, а уж спрашивать потом.

— Гостя сначала в бане моют, — сказал Женька.

— Ванна есть, но холодная, — Добрыня развёл руками.

— У вас ручеёк. Я умоюсь перед обедом. Позвольте мне позаботиться о моих ближайших родственниках?

Взяла из рук Ксаверия закрытую сверху клетку.

— Попугай? — спросил Женька.

— Ливанский кедр и русская берёзка.

— Ничего себе! — изумился за всех Ксаверий.

— Вон чего я нёс.

Вероника достала из птичьей клетки странную плошечку, а в ней — могучий с густой вершиной — кедр. Раз сказано кедр, так оно и есть. Кедр занял место на подоконнике. Берёзка росла в шкатулке без крышки. Тонкие нежные травинки были деревцу по пояс.

— Да как же так? — Добрыня склонился над белоснежным стволом толщиной в карандаш. Ствол к вершине раздваивался, листва густая, иные ветки клонятся.

— Да как же так? Листочки меньше сантиметра!

— Верно! — Вероника вздохнула как-то очень хорошо. — Эти два дерева — моё наследство. Это — запечатлённая любовь... И секрет утраченный.

— Навеки? — спросил Женька.

Вероника поставила берёзу на окно. Взяла Женьку за руку:

— Людям дано много. Но скорее всего, тут надобно счастье.

Женька задумался:

— Вообще-то, мы все, кто пришёл на Облако, — счастливые.

Сплюнул через плечо.

— Я на Облаке? — спросила Вероника.

— На Облаке. А Ксаверий всё ещё на вас глаза-

ет, вместо того чтобы вам, госте, служить, — строго сказал Добрыня.

— Чего он умеет, Ксаверий! — Женька вышел из дому первый. Крикнул: — На небе сухо!

— Так как это? — улыбалась Вероника. — Я имею в виду Облако.

— Пойдёмте, покажу, — Добрыня вышел первым, но дверь придержал.

Они стояли у стены в двух шагах от края провала.

— Дом, где я рос, был почти в центре карьера. Но удивительное дело: Ксаверий, который вас нашёл, принёс на днях ручку. Ручка редкая. Думаю, во всём Облаке только у нас в доме были такие ручки. Дед привёз их откуда-то с Востока.

— Величаво! — Вероника распахнула объятия.

— Одна из моих профессий — ландшафтный архитектор. Вы посмотрите, Добрыня! Ваш карьер — не что иное, как подкова счастья.

— Хе-е! — вскрикнул Добрыня. — Так оно и есть!

— Зачем нам архитектор, берём в пастухи! — глаза у Женьки по-кошачьи шурились. — Но и тут загвоздка. Вместо кнута нужна молния, вместо пастушьих матюков — гром.

— Кого же я должна пасти? — Веронике Женькина злость удивила.

— Облака. Мы все при деле. У меня — огород. Добрыня землю строит, дрова на зиму заготавливает.

— А какое дело у Ксаверия?

— Я — находитель! — быстро сказал Ксаверий.

— И что же находитель нашёл?

— Да вот! — Ксаверий открыл ладонь, а на ладони — монета.

— Разрешите? — Вероника взяла монету. — А ведь это привет от гетмана Хмельницкого.

— Как так? — удивился Женька.

— Это полтора, или дрейпелькер. Видишь цифру 60? Сначала на полтораке ставили 24, а при короле Яне-Каземире — 60.

— Вы всё на свете, что ли, знаете? — удивился Ксаверий.

— Кое-как и кое-что...

— Выходит, монета ценная? — спросил Добрыня.

— Не редкость, но это же Речь Посполитая, середина семнадцатого века.

Добрыня глянул на Ксаверия, тот плечами пожал.

— Я в ручье вашем нашел. Землю размыло, а она — лежит.

— Да, Ксаверий! — Добрыня покачал головой. — Ты у нас сам находка.

— Я-то чего! А вот она от кого улепётывает? — Ксаверий уставился на Веронику.

— От самой себя! От своей уж очень умной работы. Мне предоставили вершину горы, водопад, дворец, древний сад, новый сад, спуск к морю и пляж. Из этого я создавала «Парк с мыслью». Заказчик — он же хозяин — человек был совершенно простецкий, в слове, в обращении, а потом оказалось: он второе лицо в государстве... Для меня это чересчур. Я — ушла.

Вероника сложила ладони лодочкой, поднесла к подбородку, закрыла глаза и тотчас открыла.

— Хочу присоединиться к Добрыне, быть собирателем — дров, плодов, земли.

— Ты не увиливай! — Женька смотрел на Веронику не мигая. — Ты о себе скажи. О человеке надо знать, чтобы любить.

— А у вас на Облаке жители обязаны любить друг друга?

— Обязаны! — отрезал Женька.

— Тогда садитесь рядком. Моя жизнь — работа, а работа — жизнь. Тут надо объяснять кое-что.

Рассказ Вероники

Они и впрямь сели рядком — Добрыня, Женька, Ксаверий. Ксаверий смотрел в землю, взглядывал исподлобья. Добрыня улыбался. Женька лег: глаза — в небеса.

— Жизнь у меня не вполне обычная, — призналась Вероника, — но скрывать, хоть это и обидно, нечего. Я ландшафтный архитектор. Создаю парки, несущие на себе образ. Скажем, на вершине горы — свечами тянь-шаньские голубые ели как праздник, как торжество горной строгой красоты. Чуть ниже — лес огромных мамонтовых сосен. Величие жизни! Ниже — дубрава и роща корабельной сосны. Образ деятельности человека. Человек — строитель. Парусные корабли из дуба, из сосен. Дальше озеро — зеркало прошлого, за озером

— сады и удивительно прекрасный пирамидальный дуб. Цветущая пора жизни!

Потом — лужайки. Простушки-ромашки, колокольчики. К лужайкам примыкают рощицы тонких берёзок, клин осины. Осина — дерево замечательное, даже волшебное. И опять — озеро. С синими стрекозами, стрелочками, с чудо-бабочками. Тропа переваливает через грядку, упирающуюся в небо. Грядка отсекает выдуманное от истинного. Истинное в горах — нагромождение скал, пещеры, каменный хаос. И — пляж. Пустынный, золотой. Всплески моря...

Вероника вздохнула, улыбнулась.

— Мудрёное рукотворно.

— А я бы расстрелял! — буркнул Женька.

— Кого? — изумился Добрыня.

— Присвоившего такую дивную землю и архитектора этого самого... Как его...

— Ланд-шав-но-го! — подсказал Ксаверий.

Вероника всплеснула руками:

— А вы говорите, что всех любите!

— Люблю! — отрезал Женька. — А эти и которые им служат... сделали с нашей землёй то, что сделали.

— Потому-то я ваша, — сказала Вероника. — Я ведь не с ними.

Наклонилась, поцеловала Женьку в косматую голову.

— Это по-нашему! — сказал Женька. — Ушёл, и всё. Что было, перестало для тебя быть на белом свете.

— А ты философ! — и Вероника опять вздохнула. — Как это ни грустно, я уходила не один раз...

— Спальню можно выбрать на втором этаже, — сказал Женька.

— А где моё место труженика?

Добрыня размахнул руки:

— Обживаем Облако. Дело само находит нас.

— Я же говорю, мы здесь даже землю строим! — сказал Женька.

День как день

На зорьке Женька в огороде. Переживал сон.

Бархан. На бархане сайгак. Рога длинные, острые, нос на хобот похож. Сайгак воздух в себя втягивает, а под ногами-то — песок. Ни единой травинки. И вдруг Женька видит: телом и

руками он заслоняет зелёные веточки крошечного дерева. А сайгак воздух нюхает, губами тянется к листьям. Женька пугнул сайгака, а потом пожалел. Сайгаку пить хочется, есть хочется... От стыда проснулся.

Вспомнил про огород, побежал в карьер.

Сначала — к глицинии. Хорошо растёт. Заслоняет каменную стену живыми листьями.

— Доброе утро! — поздоровался Женька с глицинией.

Опустился на колени, полз вдоль грядок, желая доброго утра редиске, луку, огурцам. И тут его осенило: надо в обед желать растениям доброго дня. А вечером — доброй ночи!

Прошёл обе грядки, разогнулся и обомлел. На другой стороне карьера — Вероника. Позвала к себе:

— Жень!

Шёл, ожидая улыбочки. Но Вероника выглядела озабоченной.

— Как ты думаешь, им хорошо здесь будет? — показала на свой лилипутский лес.

— У нас всем хорошо.

Вероника вдруг призналась.

— Я своим колыбельные пою. Вернее, пела. Ты хорошо придумал: утреннее слово — сильное.

— Теперь у вас есть пристанище, — сказал Женька. — Можете колыбельные петь. Мои саженцы тоже послушают.

— Значит, ты не против моего леса в твоём карьере?

— Карьер — наш. Всем хватит места. Я хочу посадить лопухи и крапиву.

— Крапива в этом краю — редкость. И лопухи — редкость. Пока будешь искать саженцы, надо ремень посадить. Для пирогов, для компота.

«А ведь она со мной заодно!» — обрадовался Женька.

И тут приехал Добрыня.

— Я смотрю, вы ранние птицы! — Кузов поднял — земля легла холмиком. Уехал. Дел много.

Вероника выравнивала квадрат чернозёма метр на метр — для своих сидящих в мелких площадках деревьев.

— Как ты думаешь, я увлеку Добрыню и, разумеется, тебя с Ксаверием пожить несколько дней в горах?

— А зачем нам горы?! — удивился Женька. — Мы — на Облаке.

— Признаюсь! У меня на примете два-три бонсаи. Их пора приобщить к коллекции. Заодно заготовим на зиму кизила, орехов, трав.

— А вы с нами останетесь? — Женька посмотрел Веронике в глаза.

— Если ни у кого спрашиваться не надо, останусь.

— У нас — воля. Живём без денег. Милиции тут отродясь не было.

— А у меня воли нет, я при них! — показала Вероника на бонсаи. Глазами.

Глазами Вероника говорит уж очень даже понятно.

— Куда вы — туда и я, — сказал Женька. — А пока пойду обед сварганю.

Сварганил точно в полдень.

Женькины обеды простые, но у каждого блюда свой манящий вкус.

Квас колючий, с яйцом, с молодой картошкой. Вся прелесть от травок.

Сорок яиц и картошку Женька привёз от Захара Захаровича.

На второе — гречневая каша. С мятой, с чёрной смородиной и что-то ещё влекущее.

Отдельно к каше — кресс-салат. Золотая вода на лепестках розы.

— Обед у тебя крестьянский, — сказала Вероника, — а по тонкостям неожиданным — королевский. Яйца по вкусу домашние, но кур у вас я не вижу.

— Неведом кормит, — серьёзно сказал Женька.

— Каша гречневая, но приправы — я согласна — неведомые.

Вероника поднялась из-за скатерти-самобранки.

— Ноги отсидела, — и поклонилась Женьке. — За обед спасибо. Объявляю: согласна быть пастухом. Облака пасти берусь, заодно за тучами пригляжу.

— Давно бы надо стол соорудить, — сказал Добрыня. — Такой дворец, а живём как скифы.

— Мы — скифы! Мы — скифы! — обрадовался Женька. — Вероника, ты согласна быть скифом?

— Я же пастух. Значит, скиф.

— Стола не будет! — объявил Женька.

Бонсаи

Вечером Женька улучил времечко: пока все были заняты своими делами, сбегал в карьер.

Сидел над удивительным атласским кедром. Могучий ствол изогнут, но вершину посылает к солнцу прямо, от изгиба боковой ствол, ветви — как раскрытая пятерня.

— Длань, призывающая к тишине! — сказал, и придумка понравилась. Особенно слово «длань».

Поставил большой палец на плоску, указательный растянул. Вот тебе и пядь. Высота кедра — три Женькиных пяди с вершком.

В берёзке — две пяди с мизинцем. Мизинец тонкий, но не коротышка. У Женьки на руках пальцы длинные. Женька любит свои руки.

Прислонился спиной к стене карьера. Для своих стена тёплая, когда хочется согреться, и холодная, когда от жары деваться некуда.

Представил вершину кедра, окунувшуюся в звёздную пучину, во Вселенную.

Должно быть, задремал. Глаза открыл: Добрыня, Вероника, Ксаверий и Захар Захарович.

Ксаверий притащил пенёк. Добрыня — два пенька.

На пеньки сели старшие. Женьке и так было хорошо. Ксаверий тоже подпёр спиной каменную громаду карьера.

— Итак, что это такое бонсаи? — Вероника коснулась подушечками пальцев хвои атласского кедра, листочков берёзки. — Сразу скажу, я собиратель и совсем даже не биолог, но когда-то увлеклась эпохой Тан, вернее легендами эпохи Тан. Бонсаи — в эту эпоху были изысканным и очень дорогим украшением дома. В эпоху Тан китайцы пристрастились к садам из камней известняка, поднятых со дна озёр. Рядом с деревьями, очень невысокими, привезёнными с гор, создавались волшебные миры... Эпоха Тан — это седьмой век нашей эры. Но маленькие деревья выращивали уже во времена династии Цзинь. Это 265-420-й года. Было создано множество стилей. Требования школы Сучжоу — классические. Ствол дерева должен быть изогнут, но не более шести раз. Три ветки растут вправо, три — влево и три ветки — назад.

Шанхайская школа использует более ста сотен видов деревьев. Стволы и ветви изогнуты

причудливо, но изгибы всегда плавные, шапки зелени пышные. Известны Шанхайские сады, когда бонсаи выращивают прямо на каменных глыбах, — это искусство называется пенджингом. Школа Тун любит форму «свернувшийся дракон». У школы Хубэй пенджинг называется «Осенняя меланхолия». Ветки и листья сосредоточены на одной стороне дерева. Школа Хэнань использует тамариск.

— Тамариск — наше дерево! — сказал Женька.

— Назову ещё школу Хунань, — закончила рассказ Вероника. — Эта школа использует китайский можжевельник и любит стиль «дерево, карабкающееся на скалу».

— А какой у нас будет стиль? — спросил Женька.

— Живущие на Облаке, — ответила Вероника.

— Главное, найти маленькие деревья! — У Добрыни и в голосе, и на лице — недоверчивость.

— Если растут, найдём! — это сказал, конечно, Ксаверий.

Захар Захарович рассматривал берёзку.

— Был бы мир таким, девять десятых земли оставалась бы неведомой. В нашем карьере уместится целая страна. На вершине Облака — ещё страна, — и повернулся к Добрыне: — А мы теперь разве не страна? Никому не нужны, никто про нас не знает.

— А это к лучшему! — сказала Вероника. — Вашей стране окрепнуть надо. У соседей ведь свои заморочки!

— Отъезд на поиски чудесных деревьев завтра в семь часов утра! — объявил Добрыня. — Дорога дальняя, надо всем подготовиться.

— Возьмём консервов, пшена, сухарей, чаю и какао, — решил Женька.

— А кто останется за сторожа? — спросил Ксаверий.

— Это моя забота, — успокоил Захар Захарович, он был рад отъезду жителей Облака. — Кстати, один добрый друг винзавода подарил в наш юбилей столетнюю сосну величиной с настольную лампу. Сосну передаю Облаку. Когда вернётесь, привезу.

Захар Захарович приехал на мопед. Прощаясь, отвёл Женьку в сторону.

— Тебе — задание. Поживите на кордоне у лесника подольше. Добрыня будет домой торопить, а ты уговори всех кизила набрать. Я при-

вёз большие банки — прямо на кордоне варенье наварите. Пусть ваша новая знакомая маленькими деревьями увлечёт Добрыню... Не будет получаться, больным прикинься. Мне бы дней десять. Удержишь Добрыню на десять дней — будет тебе телескоп.

Женька протянул руку Захар Захарычу:

— Договорились.

Дорога в лес

Выспались, поехали.

— А какие в горах грибы? — спросил Ксаверий.

— В горах — сосны, — сказала Вероника. — Значит, есть белые, маслята, лисички. Но есть и буковые леса, много дубов — горных. Так что моховики, дубовики, есть королевский опёнок.

Дорога шла вдоль выжженных солнцем балок, мимо оставленных деревенок и всё время вверх. Когда делали петлю, видели облако пыли от своей машины. Над дорогой вздымались каменные лбы.

Женька сразу понял: в утробе горы — город. Был городом и окаменел.

— Остановимся, — попросила Вероника.

Въехали на вершину переката.

Даль сверху неоглядная. На дне воздушного океана белая прямая дорога. Белая-белая.

— Как снег, — сказал Ксаверий.

— Как мел, — поправил Женька.

Над глыбами каменного города — воздух пространства. Воздух лежит на зелёных кудрях леса, на скалах.

— Такое всё великое, — сказала Вероника, — а мы — за чудом с ладонь величиной.

— С мою! — Женька показал узенькую ладошку.

Вероника везла их мимо брошенных колхозов, мимо дворцов культуры, со слепыми от пыли окнами, с колоннами в дождевых подтёках. Ехали всё выше, выше и — приехали.

Наконец-то не разрушенное — строящееся.

Старый одноэтажный длинный дом и новый дом, сияющий свежим деревом.

— Посмотрите, что у вас под ногами! — сказала Вероника.

Под ногами был серый мелкий камень.

Женька нагнулся, поднял.

— Как губка.

— Это кораллы, — сказала Вероника. — Здесь был океан.

Дверь калитки открыла женщина. Она улыбалась Веронике и благожелательно смотрела на тех, кого подруга привезла.

— Здравствуйте! Пейте с дороги нашу удивительную воду. Мы сразу же пообедаем, а потом уж станете заниматься своими делами.

Длинный стол стоял под аркой из винограда и смокв. Лавок не было, но стульев и табуреток хватало на всех.

Хозяйка дома принесла большую фарфоровую супницу, в супнице — квас. С яйцом, с мятой, с домашними огурцами, с только что сваренной тёплой картошкой, с какими-то травками и со сметаной. Окрошка!

Женька удивился, что хозяйка до сих пор не назвала своего имени, и тут Вероника сказала:

— Мы в гостях — у профессора. Имя и отчество у моей драгоценной подруги сложные, и мы зовём Асклепподоту Варсонофиевну Профессором. Она самый настоящий профессор и даже членкор.

— Я здесь — сторож, кухарка, прораб и хозяйка гостиницы! — сказала Профессор. — Отведывайте квасок. Если понравится, ешьте.

— А ты? — спросила Вероника.

— И я с вами. Обедать в одиночку — невкусно.

— Квас-то — ого-го! — сказал Женька. — В носу покалывает.

На второе были маслята и фаршированный перец. Уж так вкусно, что все переели. Из-за стола поднимались трудно.

— Ничего! — сказала Профессор. — Горы любят сильный народ. Вы в горы или в тенёчек на боковую?

— Мы с Женей — в горы! — сказала Вероника.

— Мы бы тоже, — Добрыня поглядел вопросительно на Ксаверия. — Но нас, я вижу, не берут.

— Вам вот эта горка! — показала Профессор на зелёные куши над своей дачей. — Здесь кизил, сливы, орехи.

— Мы всего лишь на разведку! — сказала Вероника. — Женя, ты готов?

Мальчик свой серый рюкзачок — на плечи. Задвижку на калитке — в сторону.

Сначала шли вверх, мимо осыпанных ягодами кустов кизила, потом — вниз через лес огромных деревьев.

— Это грабы, — сказала Вероника. — А теперь нас ручей поведёт.

Русло ручья скоро превратилось в каменную теснину. Лес кругом был густой, но тёмная чаща неожиданно раздалась, и они на мгновение очутились в небе.

Вероника указала ступени, ведущие в полутьму влажной прохлады. Женька поспешил за своим сусаниным и тотчас пожалел. Кинулся бы назад, но ступени крутые, властные, а впереди — гул падающей воды. Водопад, тропа под водопадом, и ты — частица тайны, хотя понятия не имеешь, что она такое.

Жалел Женька о небе. Обрёл и расстался. Правда, будет обратная дорога, но та ли?

Водопад тоже не задержал быструю Веронику.

Тропой — ширина её в половину ступни! — они поднялись на округлую лбину и оказались перед расселиной, на краю которой — золотая сосна с тёмной, почти чёрной шапкой хвои.

— Пришли, — Вероника села на коврик лишайника, устлавшего вершину камня. Однако, видимо, придётся сползать, вот только каким это образом...

Веронику обратная дорога не заботила. Показала на росток в трещине.

— Знаешь, сколько лет этому бонсаю?

— Пятнадцать, — сказал Женька.

— Скорее всего, более тысячи. Он был, жил во времена князя Владимира Красное Солнышко. Это — отросток. Деревья — а он был их частью — проживали свои жизни, отмирали, а у него — своя судьба. Тебя ожидал. И меня, разумеется. Я всё-таки решила отделить это чудо из чудес.

Вероника достала молоточек, клинья. Добрый час вбивала клинья в расселину.

— В этом году, вернее, уже в следующем, весной, этот свидетель всей нашей истории станет жителем Облака.

— Я знаю, какой это вид сосны! — объявил Женька.

— Пиния. Хвоя чёрная, густая.

— А вот и нет. Это сосна-ведьма.

— Молодец! — удивилась Вероника. — Но породы такой нет. Перед нами пиния, однако условия жизни у этого дерева такие, что выросла настоящая ведьма. А вот отросточек — существо бесценное.

Женька щёлкнул ладонью о ладонь:

— Сто тысяч рубликов!

Вероника засмеялась.

— Полмиллиона евро. Это у нас дадут. За океаном цена возрастёт в три-четыре раза.

Женька вдруг рассердился.

— Чудесами не торгуют.

— Ещё как торгуют, — Вероника осмотрела свою работу. — Миллиметра на три раздвинуть можно.

Примеривалась дотошно.

Но смотреть, как человек работает, а ты бездельник — доля незавидная. Женьку к тому же и тоска разбирала: обратная дорога.

— Не кори себя, что не можешь быть мне помощником, — сказала Вероника, не отрывая глаз от чудо-ростка. — Найди дело.

— Да какое же?!

— Смотри! Смотреть — работа наиважнейшая. Смотри, какая она, земля наша. Возможность смотреть — это быть с Богом. А про обратный спуск не думай. Тут всё просто.

Женька даже покраснел. Каким же это образом Вероника углядела в нём труса? Он, конечно, мордой — чистая девочка. Ну, не мордой — личиком. Но смелости ему не надо занимать.

Промолчал Женька. Возразить — вранья напустить. Смотреть принялся. Это под горой человек — муравьишка. На горе — царь. Вероника права: Бог стоит за тобой, твоими глазами оглядывает Своё творение.

Почудилось: все скалы — и те, что поросли деревьями, и те, что голые, — устремляются в небо, будто пики казачьего войска. Дальше войску идти некуда: море — край земли. И выходит, он, Женька, живёт теперь за тридевять земель. Всё, что перед ним, — сказка. И это не выдумка.

Засмеялся. Вон что усмотрел с горы: сказку, которая за тридевять земель.

Спускались с лобастого камня, привязав себя верёвкой к сосне. Ухватиться не за что, ноги над пропастью. Но тропа вот она, милая! Шажок, шажок, шажок — опля!

Жив, земля под ногами надёжная.

В лесу орешками себя побаловали. Воды напились, идущей из недр земли да вкуса неземного. Постояли под занавесью водопада.

Отдых устроили на диване Лешего. Диван каменный, укрыт мхом, нежным, изумрудным.

— Наш с тобой поход — присказка, сказка

впереди. — Вероника улыбалась просто, но загадочно.

Женька осмелел.

— А тайны в твоих деревьях имеются?

— Все неразгаданные.

Голос у Вероники даже дрогнул. Женька молчал-молчал и признался.

— Я ни одной загадки за всю свою жизнь не разгадал.

Теперь молчала Вероника.

— Значит, всё у тебя впереди, — твёрдо сказала и дотронулась рукой до Женькиной головы. — Я тебе сегодня сказала — смотри! Смотреть надо. Надо учиться видеть. Вот тебе моя тайна: есть такие места, где глаза надо закрывать. И уходить. Есть места, где каждая травинка нас любит. Но и такие есть — места-уродцы. На что ни посмотришь — зло, и оно стремится проникнуть в сердце. Такие места есть. Я это знаю.

— А Облако?

— Облако — Любовь.

— Я словами так не говорил, но я это узнал сразу.

Скифы под луной

— Сегодня ужин под луной! — объявила Профессор. — По-скифски. Но придётся потерпеть.

Для костра у Профессора дрова особые. Костёр поднимал к небу даже не языки — полотнища огня. Темнело быстро, а пламя сникало, огонь жался к земле, звёздам чтобы не мешать. Звёзды в горах близко. Горят, как лампы.

— А где же луна?! — возмутился Женька. За день находился с Вероникой, но еды что-то не видно, не по-русски, не по-скифски.

— Мы высоко живём, — сказала Профессор. — Солнце нам показывается через полчаса после восхода. И луну придётся подождать, стало быть, и ужин.

— На углях, что ли, будем мясо жарить?

— У нас — пирог...

— Пирог! — ахнул Женька; пирог — дело долгое.

Смотрел на угли. Угли мерцали, и Женьке показалось: это глаза огня. Глаза огня смыкаются от дремы, но их будит какое-то потаённое беспокойство.

Несгоревшие головешки тлеют, деревья уже не осталось, но огонь вдруг начинал шириться, и Женьке чудилось: все эти мерцания, всплески пламени — зовы огня в его тайну.

— И что ты, Женька, углядел? — спросила Вероника.

Женька вздрогнул: ох, какая всевидящая!

— А что я должен был углядеть?

— Угли — те же звёзды, — сказала Профессор.

— Значит, углядеть можно всё что угодно! — Женька немножко дерзил.

— Чтобы видеть, надо уметь смотреть, — откликнулась Профессор. — А главное — понимать, что это тебе открыли сегодня.

Женька вскочил на ноги:

— Научите... смотреть.

— Поищите в наших горах отшельника. Ему открыто сорок тайн. Только где он теперь? В какой пещере, в каком подземелье?

— Найдём! — хмыкнул нахал Ксаверий.

Женька расколотил кочергой головёшку:

— Ну и что теперь?

Профессор обошла костёр, отправляя в огонь большие угли.

— Терпение! Нам нужен жар. Вероника, помогите мне!

Женщины пошли в дом, принесли круглый, в сажень, поднос. На подносе — огромная лепешка. Вернее, пока что тесто.

— Бараниной пахнет! — Ксаверий к подносу не подходил, но начинку издали учуял.

— И мятой! — уточнил Женька.

— Вином! Как его?.. Вкусное такое! — Ксаверию хотелось Женькины дарования за пояс себе заткнуть.

— «Изабелла»! — подсказала Профессор. — Я вымачивала мясо в «Изабелле».

— И что теперь? — спросил снова Женька.

— А вот что!

Профессор сгребла жар, положила пирог на горячую землю и засыпала сверху пеплом и тлеющими угольками.

— С вашим пирогом всё у меня спутали! — буркнул Ксаверий. — Я ведь тоже смотрел на угли.

— Чего у тебя спутали? — удивился Женька, в животе у него сладко щемило: пирог — на сто ртов!

— Угли перемешали. Мне много бы чего открылось.

— Загибаешь!

— Загибаю? — Ксаверий придвинулся к Женьке: лицом к лицу. — Завтра Профессор получит письмо. А твоя Вероника от нас убежит.

— Не убегу, — засмеялась Вероника. — Завтра мы все перебираемся к леснику.

— Тишина! — подняла руки Профессор. — А теперь все разом: «Да! Скифы мы!»

— Да! Скифы мы! — грянули ожидающие пирога.

Расстелили вокруг лепешки под пеплом ковер и кошму. Профессор села по-турецки. И вдруг вонзила в землю перед собой кинжал.

— Это — акинак. Оружие скифов.

— Настоящий! — Ксаверий потянулся к акинаку, но руку отдернул, как обжёгся.

— Настоящий. От моего дедушки. У нас в роду все археологи. Потомственные...

— А вы акинак находили? — спросил Ксаверий.

— Находила! Мало кто знает, что он такое, короткий меч скифов.

— Припоминаю. Сарматы одолели скифов, потому что сарматские мечи были длиннее, — это сказал Добрыня.

Руку поднял Женька:

— Акинак — это бог скифов.

— Замечательно! — порадовалась Профессор. — Акинаку скифы поклонялись. Видите, лезвие обоюдоострое. Оно уходит основанием в рукоятку, а навершие рукоятки — в виде сердца.

— Не уходит в сердце, а выходит из сердца! — поправил Профессора Женька.

— Пожалуй, так образнее. Само навершие очень простое: прямоугольный брусок. Но встречаются акинаки и с навершием в виде полумесяца, — тут Профессор обратилась к Женьке: — Что ты ещё знаешь об акинаке?

— Скифы приносили жертвы акинаку. Клали дрова на убитых... Ну, слоями, короче. А сверху костра — водружали акинак.

— Верно. А знаешь, сколь велики бывали такие костры?

Женька пожал плечами.

— Есть свидетельства, — сказала Профессор, — что в грандиозные свои праздники скифы укладывали гору дров в несколько сотен метров. Видимо, башню какую-то строили, а на башне — акинак. Скорее всего, такое случалось после очень больших сражений. У скифов всё было

огромное. Просторы земли от Сибири до Дуная. Город Скифополь есть в Израиле. Скифов знали египтяне, греки, римляне. У скифов был свой философ — Анахарсис, но они — вечные странники.

— Вот для чего им был нужен лук со стрелами! — радостно догадался Женька. — Скифы летели по земле, как их стрелы по небу.

— Открытие сделал! — хмыкнул Ксаверий: — и лук, и акинак — чтоб воевать!

— Но они — скотоводы!

Профессор взяла Женькину сторону.

— Скифов называли млекоедами. Они мясо сушеное коням своим давали, а сами предпочитали пить молоко и держать во рту творожные шарики, — и спросила: — Но всё-таки почему они были прежде всего великими воинами?

— А потому что земля у них была необъятная! — объяснил Женька. — У скифов — лошади, овцы, коровы, а лошади, овцы, коровы границ не различают. Дошли до Волги — там свои племена, а за Волгой — свои. И на Дону, и на Днепре. Приходилось защищать стада и свою жизнь.

— Женя, ты умеешь думать! — похвалила Профессор. — У скифов и женщины были воины. Вернее, девушки. Девушка имела право выйти замуж, убив трёх врагов.

— А я опять догадался! — закричал азартно Женька. — Из этих девушек с акинаками получились амазонки.

— Можно и так сказать, — согласилась Профессор. — История рассказывает о скифах-воинах, которые ушли в поход и не возвращались десятков лет или больше даже. А когда вернулись, женщины убили нерадивых мужей и стали амазонками.

В лесу кто-то закричал.

— Это косуля, — сказала Профессор.

Все затаились, слушали жизнь ночи.

— А ведь луна давно вошла на небо, — вспомнила Профессор, — на море теперь лунная дорожка.

— Полнолуние, а у нас здесь тьма. Жутковато! — сказал Добрыня, но голос у него был весёлым.

И тут в лесу дико захохотали.

— Филин? — спросил Женька.

— Может быть, и филин, — откликнулась Вероника.

— А кто же ещё?
 — Леший тоже умеет смеяться.
 — Сказки! — не поверил Женька.
 Молчали.

Это пришла Тишина. На земле тихо, на небе тихо.

— Слышите? — спросил Женька.
 Все слушали, а лес молчал.
 — Чего слушать-то?! — хмыкнул Ксаверий.
 — Я слушаю себя. Во мне тоже тихо.
 И вдруг далеко-далеко птица вскрикнула.
 — Кто это — не знаю, — призналась Профессор. — Крикнет, и — тишина!

Поднялась, метёлочкой стала смахивать пепел с лепёшки. Обмела, села на своё место.

— Пусть ветерком обвеет, запахов наберётся.
 — Лунного бы свету, да его нету! — сказал в рифму Женька.

— А чем земля пахнет? — спросил Ксаверий, но никто ему не ответил.

Лепёшка скифов

Лепёшку водрузили на поднос, поднос — на круглый низкий стол. И вот тебе дастархан, лица у всех светятся, а кругом — тьма.

— Да это же луна! — закричал Женька, но лунным светом озарились пока что скалы.

Луна заставила себя ещё подождать и поднялась над горами на треть, смотрела на лепёшку. И когда луна оторвалась от земли, свет хлынул, будто плотину прорвало. Лепёшка тоже светилась, будто она подарок луны.

Вероника раздала тарелки, а Профессор аки-наком резала пирог на клинья.

— Луна, наверное, и вправду думает, что мы — скифы! — сказал Женька.

— А кто — мы? — Профессор подняла руку. — Прежде чем отвечать, назовите мне свою любимую сказку.

— Про репку! — сказал Ксаверий.
 — Про Василису Прекрасную! — сверкнул глазами Женька.
 — У меня тоже Василиса Прекрасная, — улыбнулся Добрыня.

— Василиса Прекрасная! — Вероника завела тонкие свои пальцы в свои удивительные волосы и чуть подняла лицо к луне.

— Вы родная сестра Василисы! — догадалась

Профессор. — Так вот знайте: у скифов была богиня, которая сбрасывала лягушачью шкурку. Сбросит, и — красавица, и — царевна.

— Вку-с-но-о! — простонал Женька, надкусив пирог.

— Что вкусно? — спросила Профессор. — Пирог или сказка про Василису Прекрасную, которая родом из телеги скифов?

— Почему из телеги? — обиделся за Василису Женька.

— Ставши жёнами, скифские женщины проводили свою жизнь в телегах. Телега — их дом на колёсах.

— Зато родина — вся земля! — закричал Женька. — Но их земля теперь наша, русская.

— Для скифов она была скифья. Греки называли просторы Скифии — Скуфья... Когда на земле случилось оледенение, скифы, видимо, освоили побережье Черного моря, восточную часть Средиземного. По крайней мере, есть свидетельства: скифы имели общение с Египтом. Египтяне были для них старым народом, а себя скифы называли народом молодым.

— А мы, русские, тоже всегда молодые! — закричал радостно Женька.

— Мы — молодые, но мы к тому же — лунные. Мы народ, для которого жизнь и любовь одно слово. Жить, значит, любить. Если Бог с тобой, то это счастье быть любимым, любимой, на любимой земле, под любимым небом. А любовь — счастье всего живого на белом свете. Вот кольцо и замкнулось.

Луна смотрела, как вкусно едят пирог, слушала рассказы о скифах, о себе прекрасной. Вдруг по лесу прокатилось то ли пение, то ли вскрик. Странно, долго, но не страшно.

— Это волк, — сказала Профессор.

И тут защёлкал соловей. Защёлкал не по-соловьиному, сладко, похоже на соловья, а всё-таки не так.

— Скворец, — сказала Профессор. — Наш скворец ходил в соловьиную школу.

— Я согласен на скворчиную трель! — сказал Ксаверий. — Красиво!

— Ужин при луне — свечей не надо, — почему-то вздохнула Вероника.

Все уже насытились, пили чай. Слушали скворца, разговоры кончились.

Но вдруг Женька спросил:

— Что нужно сделать, вернее, как надо жить, чтобы тебя земля полюбила, на которой живёшь?

— Просто жить, не обижая землю! — сказал Добрыня. — Вот мы сидим и радуемся лунному свету. Луна любит нас. И земля нас любит. А любят — любящих.

Всем было хорошо. Всем дремалось. И все пошли спать.

Женькины сны

Женька не успел донести голову до подушки, а ему уже приснилась лошадь. Женька взмахнул рукой, чтоб побежала. Получилось... Только ногу поднял он сам, своим копытом о землю стукнул. Это он, Женька, был лошастью. Сердце обрадовалось. Помчался, ударяя копытами о белую дорогу.

Дорога до горизонта была из белой земли. За горизонтом — из света, из лунного света.

Мчался по кособогу, вверх, вверх — к вершине.

И — проснулся.

Его и Ксаверия поместили в крошечной хатке. Женька открыл глаза.

— Кто здесь?

Спросил без слов.

Лежал затаившись, прикусив губу.

Луна — вот кто. Луна заполонила светом хату до потолка. Стены светились, простыни светились.

Поднял руку — рука из света, из лунного. Спящий Ксаверий — тоже лунный.

Женька опустил ноги на пол. Опускал осторожно, словно лунный свет мог быть обжигающе ледяным. Но пол, залитый луной, удивил. Лунное вещество — не лёд, не вода. Свет неосвязаем, но Женька его чувствовал кожей ступней.

Наклонился, потрогал ладонью. Под ладонью гладко, ласково. Зачерпнул свет в пригоршню. Не получилось.

Встал, отворил дверь.

На дворе пусто. Луна над головой.

Белая безрукавка стала лунная.

Открыл калитку. По стёжке лунной вышел на высокое место. Дома далеко. Луна собрала звёзды в лукошко — ни единой.

Женька стянул через голову рубашку, провёл ладонями по груди. Ещё раз поглядел вокруг и снял трусы. Сказал Луне:

— Теперь ты всё знаешь про меня! — Кружился медленно, рубашку уронил: — На всё тело пролейся. Твой свет — моя тайна. Наша!

Луна слушала, что ей говорят. Луна лилась, и это был ливень. Свет, касаясь Женькиного тела, проникал сквозь кожу.

Женька кружился медленно.

— Луна! Я люблю тебя, будь свидетелем моей клятвы. Пусть правда слов, сказанных при полной луне, будет услышана. Земля, на которой стою, ты носишь меня на себе. Я — пришлый! Я — пришедшая! Но будь мне отцом и матерью, я всю мою жизнь буду твоей. Я найду то, о чём и ты не знаешь. Я верну тебя тебе.

Женька поднял с земли одежду, подошёл к обрыву. Внизу клубились заросли. Женька с камня на камень спустился к этому зелёному. Потрогал ногой — пружинит. Нажал обеими ступнями — дрожит.

Встал на зелёное. Пошёл. По вершинам. Пространство кудрявое, но ровное. Значит, деревья всё выше и выше.

И — пропасть!

— Мы же переходили здесь с Вероникой ручей! — вспомнил Женька. Быстро надел трусы, рубашку, раздвинул оплетённые ползучими растениями ветки, пробрался к стволу. Слава Богу, у дерева очень много ветвей. По ветвям как по лестнице. Ствол толстый, гладкий. Ногами за ствол, но лианы в обеих руках. Вот и земля. Луна клонится к горам, тени длинные. А на лунной поляне — собака.

Сообразил, какая же тут собака?

Волк. По такому гладкому стволу не вскарабкаешься, но Женька стоял уже на земле. И волк стоял. Надо что-то делать. Женька — к тропе. Оглянулся: волк шёл следом.

— Я лепёшкой пахну, начинённой мясом, — подумал Женька.

Не побежал, шёл, будто дело обычное — ходить по лесу с волком. Услышал: камешки гремят. Повернулся на звук, а вдоль ручья кабан ведёт семейство.

Повеселее стало. Прибавил шаг, а впереди фосфорические огни. Ещё волки? Деваться всё равно некуда. Пошёл на огоньки. Лиса дорогу

перебежала, с лисой лисята. Это они посветили Женьке глазами.

В ногах уже не тропа, дорога, дорога берёт всё круче. Скоро вершина.

Женька на вершину взошёл, до дома метров... Кто его знает сколько? Сто? Двести? Или только семьдесят...

Луна на лес опёрлась и стоит, Женьке светит. Луна ходит всё-таки очень скоро. Женька сделал несколько шагов к дому. Оглянулся: волк, кабан с кабанятами, с кабанихами, лиса с выводком и ещё какие-то мордочки. Может, еноты, может, барсуки. Не разглядел.

Звери стоят. Смотрят.

— Вы, что ли, провожаете меня?

Вдруг взял и поклонился лесной братии, пошёл весело, а внизу — бегом.

В постель нырнул. В избе — тьма. Ксаверий губами чмокает во сне.

— Что же это было? — спросил себя Женька, но ведь было: сердце стучит, капелька пота капается от уха по шее.

Художник

Вот так и надо жить. Проснулись и поехали.

— Завтракаем на кордоне, — сказала Вероника: в горах она командует.

Утро сияющее. Скалы. Очень высокие. Весь день они серые, а утром уж такие розовые, будто небо лепестками роз осыпает всю эту каменную громаду.

Машина пошла вниз, лес отступил. Свет, голубая дымка, лента дороги.

— Воздух видно! — удивился Женька.

— Воздух и воздух! Ты вон куда смотри. Это же пингвин!

Ксаверий тыкал обеими руками на скалу.

— Откуда здесь пингвину взаться! Обыкновенный суслик! — Женька отвернулся от окна.

— Рос твой суслик, рос, испугался, что такой огромный, и окаменел, — у Вероники всегда есть своя версия.

— А тебя окаменеть не тянет? — подковырнул Ксаверий Женьку.

— Быть каменным — удел великих, мы с тобой — народ.

Женька отвечал Ксаверию, а смотрел на Веронику: «Понятно?»

— Понятно! — сказала Вероника. — Уж так понятно, что великим быть не хочется.

— А хотелось? — тотчас спросил Женька.

— Хотелось. Моя работа — облекать в человеческую мысль саму природу. Сама себе начинаешь удивляться, но жизнь таким, как я, не даёт поглупеть окончательно. Вот смотрите! Это же птица, а под крыльями у неё птенцы.

— Ух ты! — Женька тоже увидел в скале и птицу с крыльями, и птенцов.

— Их кто-то сделал! — сказал Ксаверий.

— Я однажды пролетала над Ледовитым океаном. Снег на льду казался картинками. Вот он — медведь, а то вдруг лебеди. Изображения огромные, на десятки километров.

— А кто художник? — спросил Ксаверий.

— Бог, — сказал Женька.

— Бог, — согласилась Вероника, но добавила: — Природа.

— Бог! — Женька природу не принял. Скажут верное, испугаются и давай вилять. Хвостами. А сами все бесхвостые.

Пока философствовали, приехали в лес. В лиственный. Опять полумрак, но дорога устremилась вверх, и — золото. Сосны. Вершины в небе.

— А ведь это облака на вершинах сосен! — ахнул Женька. — Смотрите, эти облака — дети. Детский сад облаков.

— Какой же ты выдумщик! — засмеялся Добрыня, выруливая на поляну, а на поляне высокий дом. Деревянный.

— Терем! — закричал радостно Женька. — Тридевятое царство!

— Выйдем из машины, посмотри через правое плечо, — не улыбаясь, сказала Вероника.

Машина замерла. Ступили на землю. Женька, стоя лицом к терему, спросил Веронику:

— А если посмотрю через левое?

— Исчезнет.

Женька ни судьбу, ни чудеса не искушает. Посмотрел на терем через правое плечо.

Невидаль сказочная! Зелёная лужайка ластится к холму. На холме пять сосен-великанов, лес этим соснам по пояс.

— Выше ста метров! — сказала Вероника. — Хранители этой земли.

— А самое-самое?..

— Сто двадцать метров.

— Неужели и такое бывает?! — изумился Добрыня. — Это что, секвойи?

— Возможно, но большинство учёных видят в этих реликтовых деревьях пралес, здешний лесной народ называет это место Пядь великанов.

— А их ведь пять! — обрадовался Женька. — Пядь пяти!

Пятое дерево, самое высокое, но похожее на былинку, росло на краю холма и словно бы присматривало за порослью.

— Весело расти, когда знаешь, на кого хочется быть похожим! — сказал Ксаверий.

— Эти сосны Бог нарисовал и оживил! — осенило Женьку.

— Сегодня покажу тебе моё собственное сочинение! — пообещала ему Вероника.

— Бонсаи?

— Огород.

— Сначала — завтрак! — грозно воспротивился Ксаверий.

А на крыльце терема гостей ожидали хозяева: лесник, его жена и две девочки.

— Подарки — в студию! — засмеялась Вероника.

Добрыня по дороге купил освежёванного барана.

У Вероники оказались в руках два пакета: с конфетами, с печеньем.

Ксаверий подмигнул Женьке.

— Не дрейфы! У меня кое-что есть для девочек.

И, когда здоровались, познакомились, подарил сёстрам по круглому камешку на цепочке.

— Лунный камень. С луной будете в дружбе.

Вероника вложила в руку Женьке две плитки шоколада.

— Настоящий! — обрадовалась старшая из сестёр, её звали Груня. — Горький...

— А я люблю сладкий! — сказала младшая Верочка.

— Шоколад сладкий, это у него такое название, — успокоил девочку Женька.

Огород Вероники

У лесника имя было непривычное: Марат Нефёдович. Он сам всё сразу объяснил.

— Отец у меня из старообрядцев, а мама — из татар Крыма. Оренбургская земля свела отца и маму.

Завтрак Ксаверию уж очень понравился. Жена лесника Алёна Васильевна накормила гостей фаршированными перцами, жареными маслятами, грушами, сливами и чаем с абрикосовым вареньем.

— Ребята! — весело сказал лесник. — Огород Вероники — одно из семи чудес света, но после дождей белые пошли. Прозевать никак нельзя. Это на день-другой. Полоса.

С Вероникой отправился один Женька, с лесником вся его семья: Алёна Васильевна, дочери Груня и Верочка, Добрыня с Ксаверием.

Грибники — в бор, огородники с гор. В гору хождение тяжкое, себя тащить вверх, как мешок заплечный. А с горы — тот же мешок, но он у тебя на шее.

В лесу темно. Сосны стоят стеной. Из тьмы всякое дерево стремится к солнцу. Вершины небо меж собой поделили, а на земле круглый день сумерки. Под ногами — слой иголок, ноги скользят, а земля всё клонится, клонится. Вдруг прореха меж сосен — озеро света!

— Пришли! — сказала Вероника.

Деревья над обрывом замерли, корнями в камни вцепились. Внизу ровная площадка, будто поле для футбола.

— Сюда! — показала Вероника.

Каменные плиты, будто ступени. Одна плита, вторая, третья... А как же дальше?

И тут Вероника достала из зарослей можжевельника самую обычную лестницу, спустила вниз.

Лестница высокая, перекладки прочные.

Сверху смотреть удивительно: среди серых скал — настоящий зелёный лес, но этот лес ниже травы.

— Нынче почти не спали, — Вероника смотрела оценивающе на Женьку. — В пещере — топчан, матрац. Поспи. Главное, прохладно.

Женька стоял между грядок. Хотелось быть ближе к деревьям. Опустился на колени.

— Гулливер! — улыбнулась Вероника. — Потом научу тебя ухаживать за растениями.

Ушла на другой конец огорода.

И вот он один на один с бонсаями. Деревья на грядках хвойные. Хвоя разная, стволы разные, стили... Знать о таких редкостных растениях — владеть тайной.

Женька любил выставлять учителей незнай-

ками. Когда проходили Японию, изумив учительницу, стал рассказывать о горных хребтах острова Хонсю. На севере остров пересекали три хребта: Дева, Оу, Этиго, два хребта вздымались на востоке Хонсю: Абукума и Китаками. В средней части, где разломы Фосса-Магна, — гроза всех японских островов — вулканы. Среди них знаменитый на весь мир Фудзияма.

Но вот что удивительно, в тот день, когда Женька дал учительнице урок по географии Японии, их детский дом посетила настоящая японка. Она была наша, родилась на Сахалине. Японка собиралась взять к себе домой на каникулы воспитанника. А ей показали Женьку.

Японка, скользнув по первой кандидатуре рассеянным взглядом, смотрела на других ребят и тут услышала нечто странное. Вернее, Женькины слова были странными для ребят, для воспитателей, для учителей.

— Ваша улыбка точь-в-точь как у Мирокку-босацу.

Посетительница вздрогнула и теперь смотрела на одну Женьку.

— Ты чего это ляпнула? — нахмурилась учительница.

— Мне сказали удивительное, — улыбнулась японка. — Спасибо, девочка.

— Но вам нужен мальчик? — воспитательница подвела к гостье своего любимца.

Однако японка подала руку Женьке.

— Я беру эту девочку.

...Теперь он тарасился на бонсаи Вероники, но видел только длинные свои ресницы.

Поплёлся к пещере, рухнул на топчан и, засыпая, твердил:

— Шестой век, монастырь Хорюдзи. Богиня милосердия — Каннон-босацу.

В сон без видений провалился на мгновение, а потом была дрёма с видениями.

Женька потянулся со своего лёжива и взял богиню Каннон. В коллекции Анастасии Масадировны бронзовая статуэтка шестого века — великая ценность.

Он ощутил тяжесть бронзы, подставил другую руку под основание статуэтки.

Увидел себя в уютной прихожей квартиры Масадировны. Место для обуви. На каждом

крюке — вешалки-плечики. Два пуша снимать и надевать обувь.

Женьке в этой прихожей стало жалко себя: японка, а всё как у всех. Снял пальто, шапку, ботинки, вместо тапочек — домашние туфли. Пришлись по ноге.

В комнате дверь открыла перед ним Масадировна, щёлкнул выключатель. Он сделал шаг — и обомлел. В люстре лампочки держали зубами крылатые драконы. Драконов семеро, а в комнате — золотистый полумрак. Вдоль стены — дубовые шкафы, а может быть, это красное дерево или какое-то африканское, японское. В шкафах — японские боги.

— Сотаци — бог грома, Китидзётен — богиня судьбы, — узнавала Женька, она ведь вошла в дом Масадировны девочкой. — Ункей — страж святилища. А это — нисхождение Будды Амиды.

— Ты ни разу не ошиблась! — удивилась хозяйка дома. — Откуда твои знания?

— В детском доме, в библиотеке, книжка стояла. Её никто никогда не читал. А я прочитала пять раз подряд.

— Почему пять?

— Так надо было, — сказала Масадировна Женька.

— У тебя тайна?

Призналась:

— Тайна. Я не понимаю, кто из них бог, а кто богиня, но все японские боги смотрят щёлочками глаз, веки у всех почти закрыты. Да только никто глаз совсем не закрывает.

— Ты человек не простой! — засмеялась Анастасия Масадировна. — А книги читаешь?

— Читаю.

— Какие?

— Все, — сказала Женька. — Я прочитала все книги в библиотеке детдома.

— Мы будем лучшие читать!

...Так пообещала Масадировна. И она держала слово. А потом...

Женька хотел согнать с себя дрёму, а дрёма принылась запутывать его в какие-то быстрые сны.

— Меня превращают в куколку. Я что же, бабочкой полечу?..

И опять очутился в сказочной комнате Масадировны-сан.

Он стоял перед женщиной, спасшей его от

детского дома. Его ладони с длинными пальцами лежали на её ладонях.

— Какая жалость, что ты не мальчик. Ты для девочки чересчур мудрый, — улыбнулась не хуже Каннон-босацу. — Я помогу тебе стать мальчиком. Тут ведь даже имени не надо менять.

— Но у меня всё по-другому, — возразила Женька. — А резать себя не дам.

— Упаси боже! — замахала руками Анастасия Масадировна. — Это будет игра. От моего мальчика осталось много одежды. Ему дарили самое дорогое и нарядное, а он был верен какой-нибудь сатиновой рубашке.

Анастасия Масадировна достала из шкафа гусарский мундир.

— Ты такая хорошенькая. Тебе всё к лицу. Гусар ты будешь отменный. Но у меня и кимоно есть твоего размера.

Отложила мундир, нашла кимоно.

— Ты не японка, не японец, но я заметила, как притягивает тебя моя коллекция японских древностей. У тебя какая-то особая тяга к сокровенному.

...Женька совершенно запутался. Что с ним? Сон? Но уж очень явственное воспоминание!

Рукам тяжело. Он держал богиню Каннон. Бронзовую. На богине — корона, похожая на нераскрывшийся бутон цветка. Лицо загадочное. На губах улыбка. То ли что-то знает о тебе, то ли собирается сделать удивительное.

Женька ради этой улыбки книгу прочитал пять раз. Узнал многое, но книга была не о тайнах, об искусстве. Однако в эту вот минуту он спал, хотя в голове так и сяк переворачивалось слово «бодхисаттвы». Вспомнил! Каннон-босацу была бодхисаттвой. Мироку-босацу — тоже бодхисаттва. Бодхисаттвы — существа, желающие быть буддами, а на самом-то деле — светом. Женька стал светом, бодхисаттвой в детском доме в тот самый день, когда воспитатель привела самую настоящую японку.

Худшее произошло с ним тоже из-за бодхисаттвы...

В комнате Масадировны стояло семь шкафов с богами и буддами. Шесть были доступны для Женьки. Для мальчика Женьки. Седьмой шкаф Масадировна запирала и ключ прятала. А у него ведь тайна неоткрытая... Высле-

дил. Остался в доме один. Достал ключ. Взял заветную Мироку-босацу — самую великую драгоценность коллекции. Спрятался за шторой. За шторой дневной свет, за шторой солнце. И, нащёптывая сокровенные слова, сами собой заполнявшие его голову, ждал, когда солнце покажется из-за облака и бодхисаттва поднимет веки и, скорее всего, оживёт.

Солнце не вышло. Штору распахнула Масадировна-сан. Не сказав Женьке ни единого слова, забрала богиню и позвонила директору детского дома.

День был для Женьки юбилейный. Он прожил в доме Масадировны триста тридцать три дня.

Он триста тридцать три дня жил как мальчик. Снимать одежду — здравствуй, детский дом.

Дождаться воспитательницу не стал. Подошёл к двери, но на пороге повернулся к Анастасии Масадировне лицом.

— Я хочу, чтобы они подняли веки. Пусть они меня видят! Они все улыбаются. Они знают хорошее!

Японка поднялась с кресла, потянулась к нему руками, но он открыл дверь и закрыл за собой беззвучно... А теперь открыл глаза.

Над ним стояла Вероника:

— Выспался?

— Пора домой.

Они по лестнице поднялись на серую плиту, лестницу спрятали.

— Почему я всё проспал? — рассердился Женька на себя.

Лес Лилипутии, огромные сосны Великаньи...

Всё заслонила улыбка Мироку-босацу.

— Поднялись рано! — улыбнулась Вероника. — Подойди ко мне. Покажу тебе три чуда.

Сверху видели две аллеи и рошу. Аллею лип, аллею сосен, белую рошу крошечных берёз.

— Для начала перевезём на Облако берёзовую рошу, — решила Вероника.

— Такое чудо будет у нас в карьере?!

Женька чувствовал себя виноватым. Вероника работала, а он сны смотрел. Шёл, насупясь, и вдруг закричал, да так радостно:

— Вероника!

— Что? — испугалась.

Под сосной, на выступе, среди моховитых кочек — зонтик.

— Да ты посмотри! Под сосной! На выступе!
 — Какая поганка вымахала!
 — Совсем даже не поганка. Это гриб-зонтик, или куриный гриб. Так он, кажется, называется. Его вкус похож на мясо курицы.
 — Берём?
 — Жалко такое чудо срывать.
 — Мы его срежем, чтоб грибницу не потревожить, он ведь сгниёт и всё.

В дом лесника Женька вошёл под зонтиком.
 — Поганка! — сказали разом дочери лесника.
 — Это куриный гриб! — возразил Женька. — Сколько вы белых нашли?
 — Сорок!
 — А мы с Вероникой — один, а еды на всех хватит.

Пещера

Приготовлением обеда занялась Алёна Васильевна.

— Я эти грибы знаю. Будет вам куриное жаркое, но суп сварю из белых.

Вероника принесла со своего «огорода» приболевшее деревце. То ли измождённое недостатком воды, то ли вредитель какой-то завёлся. Вероника уединилась.

Добрыня и Тимур Нефёдович решили заняться переборкой мотора. Машина лесника уже целый месяц стоит в гараже.

— Все при деле, а мы? — спросил Женька хозяйшек кордона.

— А мы? — спросила Верочка.

Груня зарделась: гостей надо занимать, но чем?

— Куда-нибудь ходим? На что-нибудь посмотрим? — Ксаверий — человек ядовитый.

— Мы глядим на закаты, — сказала Груня.

— А восходы у вас не водятся.

— У нас есть пещера! — вспомнила Груня.

— А в пещере медведь живёт.

— Не-ет! — крикнула Верочка. — Медведь живёт в дупле. К медведю нельзя.

— А кто живёт в пещере?

— Человек каменного века, — сказала Груня.

— Он жил давно! — успокоила ребят Верочка.

— В пещере бусинки есть.

— А топоры? — сдвинул брови Ксаверий.

— Топоров много, — Груня не шутила.

— И чего мы тут расселись?! — Ксаверий встал и пошёл. — Хозяин каменного века ждёт нас!

Дорога в каменный век вдоль отвесной гряды, увитой виноградной лозой.

Из этих зарослей вышел на тропу жук. Панцирь, как драгоценный камень, тёмно-синий.

Ксаверий нагнулся схватить жука, Груня хотела помешать, но Женька дёрнул девочку за руку, а палец — к губам. Молчи!

И красавица жужелица наказала Ксаверия: струйка дурно пахнущей жидкости попала ему на пальцы. Ксаверий гадливо тряс рукой, носком ботинка пытался отшвырнуть с тропы вонючего жука.

— Второй струйкой ботинок прожжёт! — предупредил Женька, подмигнув Груне. — Радуйся, что в глаза не попало.

Ксаверий побежал вниз к ручью смывать мерзкую слизь. Груня, не понимая, смотрела на Женьку.

— Пустяк не хватает! — сказал Женька. — Жужелица шла по своим делам.

Ксаверий вернулся к ребятам притихший, не острит, всё время обнюхивал свою руку.

Женька засмеялся.

— Не умрёшь!

Тропа вела уже вдоль ручья. Вода в ручье что-то говорила, говорила, а потом всплескивала, и очень даже сердито.

— Я потом к тебе приду, — пообещал Женька.

И тут горы расступились. Зелёный лужок, заросли кизила, тропа взмыла круто вверх. И вот он — широко открытый зев пещеры.

Пол в пещере усыпан каменным крошечком.

— Это же кварц! — удивился Ксаверий. — Пещера не для жилья. Это самая настоящая мастерская.

Женька поднял узкую тонкую пластину, с карандаш:

— Это скол! — определила Груня.

— Края острые, — Ксаверий потрогал лезвие подушечкой большого пальца. — Братцы, настоящий скальпель.

Женька вернул себе находку и положил туда, где взял.

У Груни глаза просияли.

— Папа просил меня и Веру ничего здесь не брать.

Вера подняла камень с дыркой.

— Тяжеленный!

Ксаверий принял камень у девочки.

— Топор каменного века. С одной стороны заострили, с другой не успели. Ладно! Не берём. Я найду другую пещеру. Та будет наша! — развернулся и пошёл по тропе вниз.

— Брать нельзя, а посмотреть можно, и быть в пещере можно.

Груня сердилась на Ксаверия.

— Посидеть в такой пещере как будто в гости прийти к пра-пра-пра...

— Чего ещё-то у вас есть? — спросил Женька девочек.

— Есть древний город. Есть орех.

— Что ближе?

— Орех.

Груня подошла к Женьке.

— Тебе хотелось взять каменный нож, но ты оставил.

— Хотелось, — согласился Женька. — Мы будем собирать на Облаке музей.

Подбежала Верочка.

— Мы куда?

— К ореху. Пойдите капельку. — Груня что-то искала. И нашла.

— Вот для вашего музея!

Гладкий, продолговатый тонкий камень.

— Здоровенный! — хмыкнул Ксаверий. — Это же раковина!

— Это осколок устрицы. Здесь было море. Берёте?

— У тебя рюкзачок. Положи! — сказал Женька Ксаверию.

— В общем-то — чудо, — согласился Ксаверий и Грунину находку забрал.

Узкое ущелье повело плечами и стало широко.

Справа — плавно поднимающийся в гору кустарниковый лес. Слева — каменная стена, голая, гладкая, а наверху — остатки города.

— В древности наш город был на всех картах, — сказала Груня. — А теперь здесь живут орлы и ветры.

— Змеи живут, — подсказала сестре Верочка.

— Змеи не живут, змеи таятся.

— Ух ты! — обрадовался Женька. — Хорошо сказала.

И тут возмутился Ксаверий.

— Вы свой орех мне найдите!

— Зачем его искать? Вон, смотри! — показала

Груня на дерево за ручьём. — Между прочим, до него далеко.

— Тогда наберёмся сил? — Ксаверий размахнул руки и повалился в траву. И вдруг стал серьёзным. — А этих тут нет, со струйками?

— Почему нет, — обиделась Груня. — Жужелицы в Красной книге, но у нас их много.

Ксаверий раздвинул руками траву. На траву положил рюкзак. На рюкзак — голову.

Орех

Верочка посмотрела на старшую сестру и тоже улеглась отдыхать.

— А я пойду! — сказал Женька.

— И я пойду! — личико у Груни стало белым, но тотчас щёки у неё превратились в два пунцовых яблочка.

Женька ждать никого не собирался. Видел: Груня уж очень застенчалась, но кого, чего? Он шёл себе и шёл. Груня метнулась следом, чуть было не догнала. И остановилась.

Женька ждал её на плоском камне посреди ручья.

— Чего плетёшься? Догоняй!

Груня так и взлетела козочкой: прыг, прыг — и на другом берегу.

— Ишь ты! — удивился Женька. Тропа на косяк уж очень крутая. От ореха только шапка видна.

Поднялся, оглянулся, а Груня — вот она, рядышком.

— Если бы я был царь, — сказал Женька, — трон стоял бы у меня под твоим орехом.

— Орех общий! — поспешила сообщить Груня.

— Общий, говоришь? — Женька засмеялся. — Здесь, милый человек, не лесничество. Здесь Тридевятое царство!

Потянул ноздрями воздух и пошёл, запрокинув голову, не глядя под ноги. Листья грецкого ореха пахнут вкусно, зовуще. Орех убивает самых злобных микробов, гонит прочь тоску. По человеку, по дому, по детству, по утраченной земле, а где та земля — неведомо...

И рос орех преудивительно. С одной стороны ствол гладкий, высотой с трехэтажный дом. Крона шатра накрывала столько земли, что казалась Женьке куполом. И Женька вдруг вскрикнул.

— Да ведь меня сюда привели!
 — Ты кому кричишь? — испуганно озиралась Груня.

— Никому. Это такая у меня догадка. Утром я был в лесу, где столетние деревья высотой с твои гетры. А теперь надо мной дерево-великан.

— Ты смотри в крону! — ахнула Груня. — Орехов — миллион!

— Вы орехи собираете с земли? — спросил Женька.

— И собираем, и срываем. Мы зелёные срываем, для лекарства и для ликёра. Мама орехи закапывает в банках, на девять дней. Потом их заливают спиртом. Лекарство от бронхита, от астмы. Очень сильное.

— Ты вверх полезешь? — спросил Женька.

— Полезу.

— Хорошо. Вместе затаимся. Но сначала я хочу посидеть на корнях.

Сел, прислонясь спиной к дереву.

— Они идут? — спросил о Ксаверии, о Верочке.

— Спят, наверное.

— Тогда посидим, послушаем, что рассказывают листья.

Груня села по-турецки, прикрыла ноги платком.

— Листья у грецкого ореха большие, тяжёлые. Чтоб такие листья трепетали, нужен сильный ветер.

— Тогда послушаем, как твой орех молчит.

Груня улыбнулась и что-то шепнула себе в ладошки.

Женька быстро поднялся.

— Ты — первая! — показал на ветки.

— Мне первой нельзя.

— Это почему же?

— Я — девочка, я — в платье.

— Ну и что из того? — не понимал Женька.

Груня покраснела, пожала плечами и отвернулась.

— Как хочешь! Но ты меня не найдёшь! — Женька замелькал среди веток не хуже белки. Через минуту его не стало слышно.

— Жень! — окликнула девочка.

Тишина.

— Мы в прятки не договаривались играть.

Ответов нет.

— Тогда сиди один! — Груня обиделась и пошла к сестричке.

Женьке было стыдно, а всё-таки обрадовался, что Груня ушла: одному хотелось побыть. Такое дерево, столько тайн хранит!

Ветки удобные, надёжные. Можно лежать с закрытыми глазами. И увидел: Груня далеко внизу идёт вдоль воды.

И пошли картины:

Вода лениво шлепает, накатившись на берег, шлепки смачные — это же океан всплескивает. Кто-то огромный тащит волны назад, волны цепляются за песок, просачиваются, оставляют пену... Женька губу прикусил: а девочка-то — Анастасия Масадировна. Вдоль океана она ходила в школу в Паранайске. Паранайск ровно посередине острова Сахалин. Она! Она! Девочка идёт по песку босая. Океан тянется к её ногам — коснуться. Не дотягивается, но следы стирает.

Женька понятливый: его сон сморил. Спал в пещере, где бонсаи. Теперь спит высоко над землёй, в кроне грецкого ореха. Он спит, потому что в руке у него Каннон-босацу. Держать тяжело: статуэтка бронзовая. Женька поворачивает богиню ликом к себе. А это не Каннон... Ему улыбается Мироку-босацу. Улыбка Мироку таинственная, в этой улыбке любовь. Так улыбалась мама.

Так улыбается ему Груня. Он недостойн видеть такую вот улыбку. Правду сказать, ему не понятно: у него в руках Каннон-босацу или Мироку? Это всё-таки улыбка у Мироку нежная, любящая, а грудь, как у мужчины. А кто он теперь, этот Женька? Анастасия Масадировна упростила девочку Женьку побыть мальчиком Женькой. Она согласилась быть — он.

Почему японка, взявшая его к себе, захотела видеть в нём мальчика. Ведь он, закрыв глаза, улыбался улыбкой девочки.

...За шторой Женька собирался приказать Каннон-босацу таинственным словом и любовью поднять веки.

А в нём Анастасия Масадировна углядела вора, позарившегося на шедевр. Женька знает о себе правду. Скорее всего, он украл бы Каннон-босацу, хотя его душа тяготеет к улыбке Мироку, а ещё более к «небесному музыканту», где музыка изливается в небо цветами. Он взял богиню поднять ей веки. Вернул бы с открытыми глазами. Это была бы уже иная

богиня. Но он мог бы и передумать. Оставить всё как есть.

Чтобы вся эта паутина, оплетающая его прошлое, исчезла, не разодранная теперешним Женькой, он, как настоящий мужчина, оборвал сон: открыл глаза.

Под орехом шёл сердитый разговор.

— ...Чего ты упёрся? За каждую — пять тысяч. За Великую — пятьдесят.

— Павел Искандерыч! Опомнись бога ради! Сам выберу пять мамонтовых сосен. Огромных, старых. А эти-то! Они же Пядь! Для всего белого света — чудо.

— За Великую — сто!

— Смилуйся!

— Сто тысяч — евро.

— Но зачем тебе Великая?!

— Хочу.

Чтобы видеть, надо передвинуться. А разговор-то — ого! Обнаружат — убьют.

Чего это замолчали? Высматривают? Женька дышать перестал.

— У тебя — карабин, но жена и две девочки, — говорил тот, у кого евро. — У меня — гранатомёт, автоматы. Дом у тебя сгорит. Пядь сплю без спросу.

— За пять мамонтовых сосен меня с работы

погонят. Всё я здесь потеряю, а за Пядь, за сосну-великана — придётся смерть принять. Я — лесник.

— А я — хочу. И ты знаешь: будет по-моему. Три дня тебе даю одуматься. Или зелёный околыш с дубовыми листьями у тебя вместо мозгов?

Застрекотал вертолёт — серебряный, игрушечный. Сел, и столько от него гула, листья ореха взъерошились, улетят и Женьку увидят. Женька зажмурил глаза.

— Заспать! Это сон. Заспать!

(Окончание следует.)

□

Владислав Анатольевич БАХРЕВСКИЙ —

прозаик, поэт, детский писатель, драматург, публицист, критик.

Родился в 1936 г. в Воронеже.

Окончил педагогический институт в Орехово-Зуеве.

Автор более ста книг для взрослых и детей.

Первая его книга — «Мальчик с Веселого» — была издана в 1960 г.

Наиболее известны его исторические романы: «Василий Шуйский», «Смута», «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы» и др.

Многие произведения писателя адресованы детям: «Дядюшка Шорох и шуришавы», повести «Агей», «Голубые луга», «Скиф и грек», «Кипрей-Полыхань», «Солдат-орешек», «Повелитель пампы» и т.д.

Лауреат премии Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества (1968),

Всероссийской премии «Капитанская дочка» (1997), премии им. Александра Грина (2005),

литературной премии журнала «Север» (2013) и др.

Член Союза писателей России с 1967 г.

